

СЕКЦИЯ «ГЛОБАЛИСТИКА»

ПОДСЕКЦИЯ

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИСТИКА И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ»

Методология реализма в кросс-факторном анализе современных международных отношений

Базовой Андрей Андреевич

студент

*Факультет глобальных процессов Московского государственного университета имени
М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
E-mail: nerosaa@mail.ru*

Несмотря на то, что школа политического реализма образовалась только в середине XX века, её идеи и подход к анализу международных отношений не были новы. Так, теоретики школы политического реализма относят к своим предшественникам Николо Макиавелли и Томаса Гоббса, Фукидида, Сунь-Цзы, кардинала Ришелье, Карла Клаузевица, Клеменса фон Меттерниха и Отто фон Бисмарка.

Такая богатая идейная база школы политического реализма нередко вызывает в научных кругах споры по поводу адекватности оценки современных международных отношений, основанной на принципах политического реализма. Так, приверженцы школы либерализма считают, что методология школы политического реализма не применима в контексте международных отношений, установившихся после Первой Мировой войны и имеющих место быть по сей день.

Тем не менее, появление школы политического реализма не было случайным. Оно было обусловлено крахом Версальско- Вашингтонской системы международных отношений, выразившимся во Второй Мировой войне, и первой серьёзной неудачей школы политического либерализма, принципы которой лежали в основе рухнувшей системы. Основными теоретиками политического реализма того периода стали Ганс Моргентау, Джордж Кеннан, Уолт Ростоу, Филип Самюэль Хантингтон и многие другие политические и общественные деятели.

За свою короткую историю, насчитывающую всего полвека, школа политического реализма испытывала, как взлёты, так и падения. Так, Карибский кризис и Холодная война в целом очень сильно подорвали позиций теоретиков политического реализма, считавших, что биполярный мир есть наиболее устойчивая форма баланса сил. Неудачи глобализации же наоборот лишь укрепили позиции школы политического реализма, показав, что в мире по-прежнему основными актёрами являются национальные государства.

Сегодня, по мере того, как всё чаще и чаще нарушается мировое право и игнорируются международные организации, как всё больше стран находят угрозу своей национальной безопасности в лице терроризма, можно говорить о возрастании значения методологии школы политического реализма как инструмента 'препарирования' современных международных отношений и прогнозирования их будущего развития.

В рамках данной работы были рассмотрены основные сферы современных международных отношений с целью выявления их существенных характеристик и на предмет соответствия этих характеристик основополагающим принципам школы политического реализма, как то: понимание национального государства как суверенного и главного актёра в современных международных отношениях; концепция национального эгоизма; приоритетность концепции национальной безопасности среди других внешне- и внутривнутриполитических задач; стремление к накоплению ресурсов и принцип баланса сил.

Под «современными международными отношениями» в данной работе понимаются международные отношения периода от 70х годов XX века и до наших дней.

В рамках данной работы рассмотрены следующие сферы международных отношений: мировая экономика и мировая торговля как особая отрасль мировой экономики, мировая политика, информационная сфера как особая сфера международных отношений и культурное взаимодействие.

Анализ производился на основе изучения экспертных оценок классиков и современных теоретиков школы политического реализма, а также идеологов других школ, изучающих международные отношения.

В качестве источников были использованы работы следующих авторов: Збигнев Бжезинский, Х. Дж. Маккиндер, Джозеф С. Най. Мл. (Joseph S. Nye Jr.), Джон Ролстон Сол (John Ralston Saul). Проведённый анализ показал, что характер функционирования современных международных отношений в большой степени отвечает постулатам школы политического реализма. Так, в экономике это выражается, во-первых, в распространении влияния различных транснациональных корпораций, которые в обход мировой торговли вывозят денежную массу из стран, где расположены их филиалы, в страны своего образования.

Во-вторых, в создании узлов нефте- и газотранспорта, коими являются не международные корпорации, а государственные холдинги, как, например, Газпром в России, или же транснациональные корпорации.

И, в-третьих, в зависимости мирового валютного рынка от доллара, который, в силу того, что большая часть золото - валютных резервов почти всех развитых стран хранится в американской валюте, является не просто долговой распиской американского правительства, но реальным экономическим благом.

В информационной среде это выражается в абсолютном доминировании США: в аккредитованности американских средств массовой информации и их огромной доле на мировом рынке информации. В свою очередь, в политической сфере информационный ресурс позволяет США практически единолично, не учитывая мнения других стран и международных организаций, принимать решения по ряду важных вопросов международного характера (война в Ираке, Косовский вопрос и многие другие международные события). Это обусловлено тем, что в отличие от множества других стран, которые также обладают военной силой более чем достаточной для отражения любой угрозы, США может оправдать свои действия в глазах широкой общественности, а главное, граждан своей страны.

В культурной сфере также налицо доминирование США: транслирование американских ценностей на весь мир заставляет говорить уже не о глобализации, а об 'американизации'. Таким образом, современные международные отношения есть ни что иное, как арена борьбы национальных государств за своё место в это мире. Исход этой борьбы зависит от того, какими ресурсами располагает каждая из стран - а поскольку в любом случае распределение ресурсов несимметрично - всё зависит от того, какие геополитические блоки возникнут в современном мире, и получится ли достичь нового баланса сил. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что двумя противоборствующими полюсами, хартлэндами, являются США (информационный и политический гегемон) и блок Китай-Россия (сырьевой и экономический гегемон). Такая ситуация в современных международных отношениях доказывает, что для понимания глубинных процессов, происходящих в современных международных отношениях, и прогнозирования их развития, необходимо применять методологию школы политического реализма.

Литература

- Бжезинский З. " Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы" / Пер. с англ. О. Ю. Уральской. — М.: Международные отношения, 1998.
- Маккиндер Х. Дж. "Географическая ось истории".

Нетократия или власть сетей в современном глобальном сообществе

Белоусов Иван Сергеевич¹

студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: ivansbel@mail.ru

Эволюция капитализма породила многообразие вариантов дальнейшего развития мировой системы. В настоящее время трудно предсказать перспективы развития мирового сообщества, в то же время необходим анализ основополагающих элементов политической системы. Настоящая работа охватывает три модели существующего миропорядка, которые были созданы в разное время. Их объединяет особое видение политической системы, рассмотрение ее в исторических координатах.

Важной особенностью современного мирового порядка является его построение по сетевой структуре. Это проявляется на различных уровнях: от глобальной компьютерной сети до метатехнологий управления поведения человека. В политическом пространстве этот тренд означает движение от демократии к новым сетевым политическим инфраструктурам. В настоящее время это выражается, в частности, во все более возрастающем значении неправительственных организаций и альтернативных центров силы. Ведущая роль в дискредитации существующего строя и построения нового отводится средствам массовой информации и информационным технологиям.

В настоящей работе проведено исследование возможных последствий сетевой организации мирового сообщества, роль сетевых технологий в процессе глобализации. Кроме того, рассмотрены варианты влияния сети на российскую политическую систему, перспективы развития глобального сообщества, социальной идентификации человека в новых условиях. Наконец, автор постарается ответить на вопрос, насколько реальна смена существующей парадигмы управления человеческим капиталом, которая считается перспективной европейскими учеными, и образования двух новых классов: консьюмтариата и нетократов.

Литература

1. Бард, А., Зодерквист Я. (2004) Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге.
2. Грачёва, Т. (2007) Сеть против иерархии // Общественный Русский Журнал. №1
3. Манхейм, К. (1994) Диагноз нашего времени. - М.: Юрист.
4. Хантингтон, С. (2006) Столкновения цивилизаций. Издательство «АСТ Москва».
5. Toffler A. (1983) Previews and Premises. New York: Morrow.

¹ Автор выражает признательность профессору, д.ф.н. Панковой Л.Н. за помощь в подготовке тезисов.

Моделирование торговой близости государств СНГ

Богдан Игнат

Студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Факультет глобальных процессов

E-mail: griefchild@km.ru

В основе работы лежало утверждение, что политические процессы (в частности в СНГ) играют второстепенную роль относительно процессов экономических.

Исследовать экономические отношения было решено исходя из торговых взаимоотношений, поэтому термин 'торговая близость' в данной работе употребляется почти эквивалентно термину 'экономической близость'.

Целью данной работы было с одной стороны, на основе торговли исследование экономических механизмов функционирования СНГ, как уникального объединения, с другой стороны, ставилась цель разработать основы метода моделирования, применимого к любым экономическим группировкам.

Для анализа экономических процессов мы ввели понятие торговой близости. Для получения значений торговой близости между странами мы использовали значения экспорта и импорта, как самых явных, базовых и легкодоступных данных, имеющих отношение к экономическому взаимодействию между государствами.

Было перепробовано несколько вариантов получения данных о торговой близости из статистических данных по импорту и экспорту.

Результаты показали, что нагляднее всего было просто сложить значения импорта и экспорта за годовой промежуток времени и оперировать полученным значением, как показателем величины торговой близости.

Были взяты не абсолютные данные импорта и экспорта между странами, а импорт и экспорт из конкретной страны в конкретную страну, выраженные в отношении к импорту и экспорту во все страны СНГ.

То, что были взяты относительные, а не абсолютные показатели, имеет, конечно, некоторые недостатки, но для выражения динамики процессов мы сочли их наилучшими.

Ниже представлен процесс получения данных о торговой близости между Россией и Молдовой.

экспорт	Азерб	Армения	Беларусь	Грузия	Казахстан	Кыргызста	Молдова	Россия	Таджикист	Туркменис	Узбекиста	Украина
Азерб	0	0	0,5	34,5	2,9	1,3	0	32,3	9,7	3,8	0,5	14,5
Арм	0	0	1,2	19,3	1,4	0	0,2	60,3	0	10,4	0	4,9
Белар	0,2	0	0	0	0,5	0,1	0,8	83,2	0,1	1,3	0,2	13,6
Груз	16,6	9,6	0,4	0	3,4	0	0	48,6	0,1	7	0,5	13,8
Казах	1,8	0,1	0,9	0,3	0	2,4	0	76,2	1,9	0,3	5,8	10,2
Кыргыз	1,4	0	1,1	0,1	15,5	0	0	26,5	3,6	1,2	50,1	0,4
Молдова	0,1	0	9,5	0,1	1,8	0	0	73,6	0	0,1	0,9	13,8
Россия	1	0,2	40,4	0,3	16	0,7	1,5	0	0,4	0,9	1,8	36,9
Таджик	0,1	0	0,4	0	1,8	0,6	0	69,9	0	0,8	25,9	0,5
Туркмен	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Узбек	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Укр	0,9	0,2	6,3	0,9	1,8	0,1	4	78	2,5	2,6	2,5	0

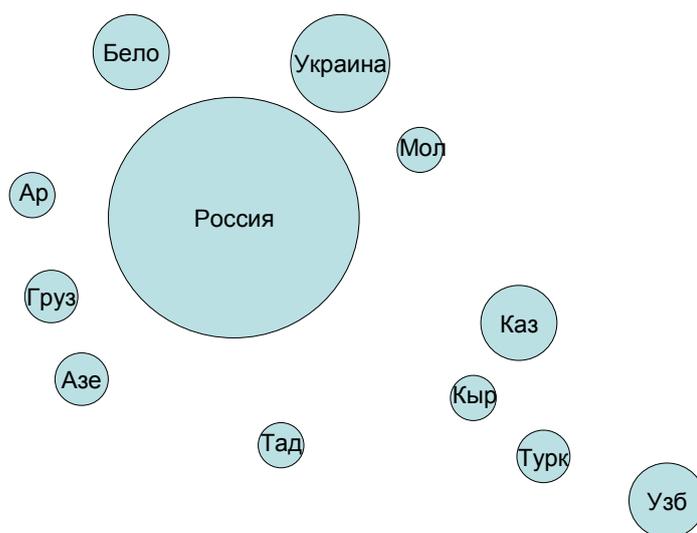
импорт	Азерб	Армения	Беларусь	Грузия	Казахстан	Кыргызста	Молдова	Россия	Таджикист	Туркменис	Узбекиста	Украина
Азерб	0	0	2	3,7	15,7	0,8	0,6	64,3	0,1	2,7	0,3	9,8
Арм	0	0	0,3	13,2	0,6	0	0,6	77,8	0	0,7	0,4	6,5
Белар	0,1	0	0	0	1	0,2	0,6	91,8	0,1	0	0,4	5,8
Груз	19,1	4,9	0,5	0	4,2	0,1	0,1	46,8	0	5,5	2,7	16,2
Казах	0,3	0	1,3	0,2	0	1,2	0,2	89,2	0,2	1,5	2,8	3
Кыргыз	1	0	1,4	0	21,2	0	0	47,6	0,8	7	18,2	2,7
Молдова	0	0,1	11,8	0	1,3	0,1	0	45,5	0	0,1	0,1	40,9
Россия	1	0,3	32,6	0,6	19,5	0,8	2,6	0	2	4,8	5,3	30,4
Таджик	10,3	0	0,3	0	15,8	1,6	0	20,2	0	3,5	34,2	14
Туркмен	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Узбек	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Укр	0,4	0	8,2	0,1	4,5	0	0,4	73,8	0	9,8	2,7	0

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Молд - Россия									
Молд - Россия(эксп	84,6	79,7	2,5	1,5	1,5	68,09117	1,4	1,2	1,2
Россия-Молд(экспор	2,2	2,3	72,8	73,6	71,5	1,723365	72,1	70,5	65,9
Россия-Молд(импорт)	28,2	4,9	56,5	45,5	40,8	2,746286	30	27,4	28,2
Молд-Россия(имп)	54,5	52,2	2,9	2,6	3	37,40831	2,8	2,5	2,9
всего	169,5	139,1	134,7	123,2	116,8	109,9691	106,3	101,6	98,2

Показатели торговой близости были специальным образом унифицированы, что позволило представить отношения между государствами в виде нижеприведённой “планетарной” модели. (Соотношение объёмов кругов равно соотношению ВВП стран, расстояния между кругами – $1/(\text{величина торговой близости между данными двумя странами})$).

Перед построением модели была проведена кластеризация по методу дальнего соседа, что позволило установить группы стран, наиболее близких между собой экономически за данный год. Анализ динамики экономических отношений был проведён за 9 лет, с 1997 по 2005, путём сравнения моделей за каждый год.

1997

Результаты

1. Модель позволила выделить экономически стабильно близкие государства.

Стало возможным выделить 3 группировки стран. Россия – Белоруссия – Украина -Молдова, Казахстан-Кыргызстан, Армения-Грузия.

2. Основной вывод – частая слабая корреляция между экономической и политической близостью стран (Например, в периоды политического сближения России и Белоруссии могло наблюдаться экономическое отдаление) Из этого можно было сделать вывод, что экономика не напрямую влияет на политику. Становится проблема расчёта некой “формулы”, которая бы отразила связь между политическими и экономическими сферами. В трудах американских социальных психологов (например, Barry, Child&Вагон 1959) можно видеть, что культура определяет экономику. Возможно, именно культурные связи помогут понять связь политической и экономической сферы. Проверке данной гипотезы и будет посвящена дальнейшая работа.

Империи. Формирование. развитие. падение. Империи XXI века.

Васильева Полина Игоревна

студент

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, факультет глобальных процессов, Москва, Россия.

E-mail: polina.vasilieva@list.ru

Введение:

Роль империй в мировой истории сложно переоценить. Они возникали почти из ничего, стремительно развивались, расширялись, заставляли трепетать народы и государства, вызывали уважение и ужас, а позже исчезали, но не бесследно, а оставив после себя былую славу побед, истории великих людей и поражающие человечество достижения.

В течение человеческой истории империя была высшей формой государственного развития, показателем ее расцвета и могущества. В имперский период государство развивалось и процветало во всех сферах жизни общества. Но в разные периоды истории понимание этого термина немного различалось.

Проследить изменение понятия, обозначаемого как империя, описать механизм создания и развития империи, ее свойства и функции и определить актуальность империи для современности и ближайшего будущего – цель данной работы.

Методы:

При создании работы были рассмотрены и проанализированы исторические факты и события, сделан сбор и анализ статистических данных в области экономики, политической и социальной жизни и культуры государств. Основными источниками информации были данные международных и государственных организаций, таких как Организация объединенных наций, Международный валютный фонд, Юнеско, а также статистические данные государственных статистических агентств отдельных стран. На основе математических методов моделирования была создана модель развития империи.

Заключение:

В данной работе мне удалось дать определение термину «империя» вне рамок временного периода, а, опираясь на объективные свойства, которыми обладает каждая империя. Я постаралась найти причины и предпосылки образования империи, необходимые для формирования средства, пути развития, способы взаимодействия метрополии и колоний и причины распада империй.

Я постаралась проанализировать, при каком количестве империй состояние мировой политики будет наиболее стабильным, а взаимодействие империй продуктивным, насколько безусловна ценность независимости, и при каких обстоятельствах можно ей пожертвовать.

Также я рассмотрела момент сменяемости империй, передачи взаимосвязей и достижений от одной империи к другой в рамках единой цивилизации.

На основе полученных теоретических данных я сделала вывод об актуальности империй и в современном мире и выделила ряд современных империй государств, которые смогут стать империями в ближайшем будущем.

Список используемой литературы:

1. Багдасарян В. Э. Россия в XXI веке: альтернативный сценарий развития // Россия в условиях трансформаций: Историко-политологический семинар. М., 2002. № 20;
2. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М., 1993;
3. Левалуа К. "Сочти число зверя" (Замечания о книге Жака Аттали "Линии горизонта") // Элементы. Евразийское обозрение. 1992. № 2;
4. Полосин В. С. Миф. Религия. Государство. М., 1999;
5. Фукуяма Ф. Конец истории // Вопросы философии. 1990. № 3;

6. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998;
7. Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997
8. Современный политический анализ и политические технологии. М., 2005, т.2;
9. Гайдар Е.Т.: Гибель империи. М., 2006;
10. Электронный словарь Брокгауз и Ефрон
11. Энциклопедия «Кругосвет»
12. www.wgeo.ru
13. Журнал «Коммерсант-Власть» №9(714) 12 марта 2007
14. Альманах «Коммерсант-Первый Рейтинг главных событий и тем 2006» №01(05) 15 января 2007
15. www.uis.unesco.org
16. Гончаров В. «Если выпало в империи родиться» (текст доклада, прочитанного 14 апреля 2003 года на заседании семинара Бориса Стругацкого)
17. Бабурин С.Н. Империя как состояние государства
18. Маслов О., Прудник А. «Россия в состоянии полураспада» 01.08.05
19. Пиков Г.Г. «Империи в мировой истории»
20. www.kreml.org/other/126216661 Имперский дискурс: беседа Глеба Павловского и Павла Святенкова
21. Журнал «Золотой Лев» № 77-78 Уткин А.И. Единственная современная империя — США
22. www.soldiering.ru

Реализация транзитного потенциала Астраханской области в условиях глобализации экономики

Вахолкова Светлана Александровна

студентка

Астраханский Государственный Университет, Астрахань, Россия

E-mail: vakholok@yandex.ru

На современном этапе интеграция торгового и транспортного комплексов России в международную логистическую сеть представляется одним из приоритетным направлений по успешному вхождению страны в мировой рынок. В российской транспортной системе Астраханская область имеет уникальное географическое положение, занимая стратегическую позицию на самых коротких, экономически выгодных евроазиатских транспортных маршрутах: «Север-Юг» и «Запад-Восток». Регион Каспия является своеобразным шлюзом, через который Иран, Индия, Западный Китай, Узбекистан, Туркменистан, Казахстан и другие азиатские страны осуществляют торговое сотрудничество с Европой [4]. Объёмы международной торговли нарастают год от года, в связи с чем, одним из актуальных и стратегически важных направлений развития Астраханской области является реализация её транзитного потенциала.

Цель исследования: дать комплексный анализ современного развития транзитного потенциала Астраханской области и выработать рекомендации по улучшению ситуации. Достижение данной цели требует выполнения следующих задач:

- рассмотреть основные нормативные документы по теме исследования;
- проанализировать развитие транспортной инфраструктуры Астраханской области;
- выделить основные факторы, оказывающие сдерживающее влияние на развитие международных транспортных коридоров;
- выявить пути преодоления существующих проблем.

В ходе исследования был рассмотрен статистический и фактический материал, а также нормативно-правовая база по вопросу развития транспортного комплекса в России в целом и Астраханской области в частности.

Проведённый анализ показал, что в Астраханском регионе под воздействием географических и производственных факторов сформировалась своеобразная транспортная система. Астраханский транспортный узел включает в себя более 686 предприятий различной формы собственности, и на его долю приходится около 21% в валовой добавленной стоимости. Транспортный комплекс области представлен всеми видами транспорта. Однако, несмотря на положительные внешнеторговые показатели и возможность организации мультимодальных перевозок, Астраханская область так и не смогла стать центром размещения крупного транспортного узла. Эксперты оценивают грузопоток по коридору «Север-Юг» в 30млн. тонн грузов, но на сегодняшний день этот показатель составляет не более 5 млн. тонн.

Исследование позволило вывести сдерживающие факторы, которые можно разбить на два уровня: общероссийский и региональный. К первому относятся отсутствие нормативных правовых документов по развитию международных транспортных коридоров на территории Российской Федерации и несогласованность действий участников коридоров. На региональном уровне особо выделяются следующие факторы: концентрация внимания на портовой инфраструктуре, низкая степень информатизации, отсутствие мониторинга рынка транспорта и грузовой базы, высокая концентрация объектов транспортной инфраструктуры в черте города, что в свою очередь увеличивает транспортные издержки, время доставки и ухудшает имидж города.

В результате получается, что российские маршруты, проходящие через Астраханскую область, характеризуются высокой степенью ненадежности и

несогласованности действий участников перевозочного процесса, что делает их экономически не выгодными. В настоящее время в торговле между Европой и Азией в основном используется морской маршрут, проходящий через Суэцкий канал в Индийский океан. Более того, конкуренция в сфере перевозок в Каспийском регионе постоянно возрастает. Ряд стран, поддерживаемых международными финансовыми структурами, стремится проводить политику транспортной изоляции России на основе формирования альтернативных евроазиатских коридоров, основным из которых является ТРАСЕКА: Европа - Черное море - Грузия (Поти) - Азербайджан (Баку) - Каспийское море - Туркмения - восточное побережье Китая [6].

Изучение мирового опыта позволило исследователю сформулировать предложения по привлечению международных грузов на российские транспортные коридоры и увеличению числа экспортно-импортных операций на территории Астраханской области:

1. Усиление Астраханского транспортного узла. Для достижения обозначенной цели целесообразно предпринять следующие действия:

- проводить регулярные маркетинговые исследования и мониторинг по выявлению основных направлений грузопотоков;
- развивать обходные пути вокруг Астрахани и переносить транспортные объекты за черту города;
- проводить мероприятия по увеличению привлекательности Астраханского транспортного узла на общероссийском уровне;
- выделять гранты на программы по исследованию и техническому развитию Астраханского региона в области мультимодальных перевозок;
- создать логистический центр в городе Астрахани.

2. Включение астраханского транспортного узла в международную логистическую сеть. В данном направлении необходимо:

- создать единое транспортное пространство прикаспийских государств;
- принять основные нормативно-правовые документы (конвенция о «Развитии единой транспортной системы прикаспийских государств»; межправительственные соглашения по вопросам унификации грузовых таможенных документов и т.д.);
- замкнуть железнодорожное кольцо вокруг Каспия;
- создать единую Черноморско-Каспийскую транспортную систему.

Геополитическое значение реализации указанных предложений заключается в создании в Каспийском регионе транспортно-технологической системы, объединяющей в единый комплекс все виды транспорта и портовые сооружения, что обеспечило бы перевозки в смешанном сообщении на выгодных для российской стороны условиях. В результате приведённых мероприятий возможно укрепление экономических и стратегических позиций на Каспии, а Астраханская область сможет занять лидирующие позиции в Каспийском регионе и стать ключевым звеном в структуре международных грузопотоков между Европой и Азией.

Литература

1. Авдокушин, Е.Ф. Международные экономические отношения. – М.: Экономист, 2003.
2. Аникин, Б.А. Логистика. – М.: ИНФРА-М, 2004;
3. Бережнов, Г.В. Стратегия развития предприятия в многопрофильной конкурентной среде. – М.: Издательский дом «МЕЛАП», 2002;
4. Жильцов, С.С., Зонн, И.С., Ушаков, А.М. Геополитика Каспийского региона. – М.: Международные отношения, 2003;
5. Коробушко, Т.В., Пономарев, С.А. Встречная торговля: прошлое или будущее?.- М.:Международные отношения, 1989;
6. Нартов, Н.А. Геополитика. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Единство, 2004;

Концепция суверенитета в интеграционном дискурсе Европейского Союза.

Веремеев Николай Юрьевич

аспирант

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.

E-mail: m.verameyev@mail.ru

Взаимная связь между суверенитетом и интеграцией является предметом многочисленных дебатов со времен создания Европейского Объединения Угля и Стали в 50-х гг. Вопреки теоретическим усилиям огромного количества исследователей таинство этой связи продолжает оставаться нераскрытым. При этом в решении данной проблемы заинтересованы как новые участники ЕС, так и страны обладающие значительным опытом интеграционного сосуществования, примером тому может служить критика провалившегося проекта Европейской Конституции и постоянные дебаты вокруг базовых договоров ЕС.

Сложность анализа взаимосвязи интеграции и суверенитета обусловлена понятийной неопределенностью последнего. Отсутствие однозначного толкования идеи суверенитета в ЕС выражается в изобилии трактовок: «пост-суверенитет», «поздний суверенитет», «суверенитет в конфликте», «конкурентный суверенитет», «совместный суверенитет», «смешанный суверенитет», «объединенный суверенитет» и т.д.[1, с.147]. Данное положение дополняется тезисом о «парадоксе суверенитета»[2], который с одной стороны проявляется в многообразии критических подходов, а с другой - в устойчивости идеи суверенитета в теоретическом дискурсе и политической практике государств-членов.

Неоднозначность наблюдается не только в рамках дискуссии о предпочтительной модели суверенитета, но и на практике. Нормативный анализ конституционных актов государств-членов ЕС свидетельствует об отсутствии единых определений в отношении делегирования или передачи суверенных полномочий на уровень ЕС. [3, с.12-13]

Анализ современных подходов к идее суверенитета в ЕС, позволяет выделить четыре ведущих направления:

1) абсолютистско-унитаристское, сторонники которого разделяют общее представление о том, что суверенитет остается унитарным явлением, в соответствии с которым верховная власть в принятии решений должна осуществляться на одном уровне – европейском или национальном.

2) приверженцы идеи дезагрегации/реагрегации, оперирующие понятиями «объединенного или разделяемого суверенитета» (*pooled or shared sovereignty*) в ЕС. Исследования авторов данного направления концентрируются на анализе полицентричного измерения суверенитета.

3) пост-суверенисты, полностью порывающие с понятием национально-государственного суверенитета. В условиях трансформации ЕС в пост-суверенную (постнациональную) политику, отсутствует необходимость следовать тем же правилам и нормам, которые характерны для национальных государств.

4) альтернативная модель – «совместного», «кооперативного» суверенитета (*cooperative sovereignty*). В рамках данного подхода национальные и европейские власти, будучи суверенными, в рамках плюралистичной политико-правовой системы, не могут избежать определенной степени конкуренции, соперничества и сотрудничества. Таким образом, реализация суверенитета подразумевает поиск лучшего варианта распределения власти в каждом отдельном случае [4, с.17-18].

Таким образом, в рамках исследований ЕС невозможно упрощенное понимание суверенитета, его отождествление с абсолютной свободой действия государства внутри и вовне.

Изначально основой европейского проекта было стремление перейти от мира основанного на политике с позиции силы, к сообществу, основанному на власти закона.

Реализация данного устремления на практике внесло кардинальные изменения в основополагающие правила суверенитета. Если до создания ЕС идея суверенности и государственности означала независимость от вмешательства извне, то с развитием интеграционного проекта она трансформировалась в сотрудничество на основе взаимного вмешательства и контроля.[5, с. 65-66]

История расширения европейских сообществ свидетельствует о том, что вхождение новых стран в состав интеграционного объединения обусловлено принятием определенных ограничений суверенитета, накладываемых на них действующими в ЕС нормами и правилами сосуществования.

Принятие ограничений суверенных полномочий представляется неизбежным условием вступления национального государства в «интеграционный клуб». Опасения утраты суверенитета, обусловленные потребностью в сохранении собственной идентичности, существуют в большинстве государств-членов Европейского Союза. Влечет ли участие в интеграционном процессе к утрате суверенитета со стороны государств-членов? Ответ на этот вопрос, ведет к «ловушке дескриптивного подхода» [6], связанной с проблемой операционализации, эмпирической измеримости суверенитета

Обширная и далеко продвинувшаяся передача полномочий на уровень ЕС вкупе с оформившейся независимой правовой системой не является свидетельством превращения ЕС в новое суверенное «супер-государство», поскольку ЕС не обладает суверенным статусом и не признается в качестве суверенного государства другими членами международного сообщества. Таким образом, если и можно говорить о суверенитете ЕС, то мы должны вести речь об иной природе данного «интеграционного суверенитета», отличной от типичного национально-государственного суверенитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Besson, Samantha. Book Review: Neil Walker, ed. *Sovereignty in Transition* / Samantha Besson // *I*CON* – 2005. – Vol. 3 (1). – P. 147–162.
2. Wallace, William. *The Sharing of Sovereignty: The European Paradox* / William Wallace // *Political Studies*. – 1999. – Vol. 47. – 503-521.
3. Albi, Anneli. *EU Enlargement and the Constitutions of Central and Eastern Europe*. / Anneli Albi – Cambridge. – 2003. – P. 196.
4. Besson, Samantha. *Sovereignty in Conflict* / Samantha Besson // *European Integration online Papers (EIoP)*. – 2004. – Vol. 8, N°15. – 50 p.
5. Леонард, Марк. XXI век – век Европы / Марк Леонард – М.: АСТ МОСКВА, 2006. – 250 [6]с.
6. Werner, Wouter G. De Wilde, Jaap H. *The Endurance of Sovereignty* / Wouter G. Werner and Jaap H. De Wilde // *European Journal of International Relations*. – 2001. Vol. 7 (3). P. 283–313.

Политико-экономическая основа развития Азербайджана 2003-2008 гг и контуры будущего развития.

Гахраманов Гамет Фаиз оглы

Соискатель (молодой ученый)

Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: gamet01@yahoo.com

Не существует закона истории, который утверждал бы, что на смену рухнувшему тоталитаризму обязательно приходит демократическая система, или другое аналогичное тоталитарное правление. В действительности, опыт истории свидетельствует, что случаи перехода к демократии являются чрезвычайно редкими исключениями. После распада Советского Союза, Азербайджан, как и остальные страны постсоветского лагеря, оказался во тьме неуправляемых политических процессов, экономической стагнации, войны с Арменией. Политическая элита того времени в силу этих причин и не смогла выполнить переход не только к демократической системе но и вообще оказались в политическом вакууме. Не смотря на то, что они были уверены в том, что «рынок будет универсальным механизмом, обеспечивающим эффективность экономики и, как следствие, рост благосостояния населения» (Рамиз Мехтиев «Мир и национальная идея»), совершенно не осознавали политическое и социально-экономическое поведение людей играющий определяющую роль в изменении политической и экономической жизни.

После возвращения к власти Гейдар Алиев начал воплощать в жизнь политику стабилизации политических процессов и перехода к демократии. В силу того, что все постсоветские страны взяли курс на демократизацию, создавалось впечатление, что рыночная экономика вместе с демократией завоевала статус мирового стандарта, как универсальная ценность для всех. Но прежде всего выбор народа, несомненно, был важнейшим фактором, сыгравшим прямую роль в падении коммунистической системы и в начале перехода к демократии. Переход к демократии был необходим так же потому, что демократическое устройство, разделение властей было единственной альтернативой полному хаосу и экономическому краху индустриализованной и неинтегрированной в мировое экономическое сообщество экономики, унаследованной от Советского Союза. Преимущество демократической модели социально-политических институтов и настойчивое воплощение их в действительность Гейдаром Алиевым сделало возможным общественную консолидацию. Оптимизация управления и взаимодействие социально-политических акторов, которую создает тонкая, дифференцированная, отлаженная система демократических представительных институтов значительно подкрепляет это преимущество, способствуя еще более эффективной работе рынка- важнейшего фактора демократически развитого общества.

Современное государство даже в самой демократической форме представляет собой мощную концентрацию власти, причем благодаря не тоталитарной идеологии, а благодаря огромным технологическим ресурсам, доступным правительству для целей контроля. С другой стороны рыночная экономика, даже если она подвержена самым разнообразным формам вмешательства, в силу собственной динамики противостоит государству как сравнительно автономная реальность. Чем бы государство не руководило, оно не имеет полного контроля над этой зоной, которая в силу самого факта ограничивает власть государства. Современное государство представляет собой самую эффективную и наиболее распространенную в истории человечества организацию политической власти, а феномен демократии получил развитие именно в тех странах, в которых сформировалась современная рыночная экономика.

Наука, в том числе и история, есть мир искренних поисков истины, и она не должна стать послушным орудием чужой воли – самоуверенных в своих кабинетных умозаключениях исследователей, у которых не хватает скромности считаться с реальностью. Поэтому Азербайджан не принял демократию извне как модель, как шаблон. Азербайджанская политическая элита, совершенствуя демократию приняла во внимание все традиции тысячелетней государственности и взяла курс от стабильности к модернизации.

Анализируя современную социально–экономическую и политическую систему Азербайджана, мы видим неоконсерватизм с либеральными элементами. Процесс формирования данной системы проходил через реформирование экономики, развитие частного сектора, снижения уровня бедности, формирование среднего класса, создание максимальных условий для инвестирования, подъема макроэкономических показателей, деноминации национальной валюты, создание условий для развития частного сектора экономики Азербайджана, воплощение глобальных и региональных энергетических и транспортных проектов, интегрирование Азербайджана в мировое экономическое сообщество. В политической сфере это выражалось в продлении стабильности в регионе, создании правовой базы для экономической и политической активности населения, а также для инвесторов, укреплении военной мощи страны, переходе от концепции защиты к концепции наступления, модернизации государственных структур.

Продолжение начатой политики Ильхамом Алиевым, будет способствовать устойчивому развитию экономики, что создаст новую модель экономической и политической культуры населения. Понятие «свободный гражданин» будет сопутствовать с укреплением финансового положения каждого и растущей уверенностью в личной свободе.

Экономическое развитие страны закрепляет за ней региональное лидерство в Южном Кавказе. Дальнейшее развитие экономики и внешнеэкономической деятельности будет основываться на рентабельном партнерстве в регионе и на стратегии, направленной на участие в формировании стабильной экономики и устойчивой безопасности на Востоке.

Идеологической основой для внутреннего и внешнеэкономического развития будет служить либерализация. Государство уменьшает уровень прямого вмешательства в экономику, создает законодательную базу для конкурентоспособности хозяйственных структур экономики. Либерализация экономики будет важным аспектом при вступлении страны в ВТО.

Национальная идея, основанная на концепции государственности, заложенного Гейдаром Алиевым, будет основой на модернизационном курсе современного Азербайджана. Эта национальная идея, которая включает в себе историю, культуру, религию, традиции и самобытность, сформирует будущее Азербайджана, как субъекта мирового политического процесса.

Обновление научно-интеллектуального потенциала, в условиях современного научно-технического развития является приоритетным направлением президентства Ильхама Алиева. Принятая недавно Государственная Программа, дающая возможность получить образование в ведущих мировых научных центрах 15000 студентам, является долгосрочным инвестицией на будущее развитие страны. Наряду с этим повышается финансирование всех научных заведений страны. За годы президентства Ильхама Алиева было построено свыше 1200 школ в разных регионах страны. Высшие образовательные учреждения обновляют научно-технический потенциал, строятся новые корпуса, делается возможным получение высшего образования представителями всех слоев азербайджанского общества.

Перед дипломатией ставятся новые задачи по укреплению позиций страны в региональных и глобальных процессах. Многовекторность азербайджанской дипломатии делает возможным проявления инициатив в решении локальных задач и поиск конструктивных предложений по участию Азербайджана на равных правах с другими странами в процессах общемирового значения.

Усиление роли государства в региональных процессах связано с укреплением обороноспособности страны. Оно делает необходимым совершенствование не только самой армии, но и военно-промышленного комплекса.

Несомненно, таким образом, что в ближайшее время сочетание политической стабильности, экономического развития с активной ролью на мировой арене обеспечат в ближайшее время основу для уверенного движения Азербайджана к процветанию.

Подходы к решению комплекса проблем Калининградского эксклава и их влияние на становление локального социума.

Гнатенко Александр Анатольевич²,
аспирант

Российский Государственный Университет им. И.Канта, Калининград, Россия
E-mail: durham@rambler.ru

Введение

Калининградская область уже длительное время находится в центре внимания российских и европейских экспертов. С распадом СССР и последовавшим за ним возникновением новых независимых государств Калининградская область оказалась в новой геополитической ситуации. Особое положение этой части России открыло широкие дискуссии о ее дальнейшей судьбе. Очевидно, что и сейчас, спустя почти семнадцать лет, прошедших после распада СССР, вопрос о будущем области тревожит жителей региона.

Методы

Необходимый теоретический инструментарий исследования содержится в работах авторитетных исследователей М.Хроха «От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе» и Э. Хобсбаума «Нации и национализм после 1780 года».

В работе Э. Хобсбаума описывается становление понятия «нации» и роль интеллектуалов в данном процессе. Подходы к определению национализма изменялись с течением времени, выдвигая на передний план различные аспекты «национального» - язык, культуру, общий рынок. По сути, интеллектуальное сообщество играло важнейшую роль в становлении понятия «нация» и ее связывающих ее элементов.

По мнению М. Хроха, следующие факторы определяют становление локального сообщества «(1) Социальный и политический кризис старого порядка, характеризующийся новыми горизонтами и уровнями напряженности; (2) возникновение разногласий между влиятельными группами населения (3) утрата веры в традиционные нравственные системы... упадок религиозного авторитета, даже если это касалось малого числа интеллектуалов».

Результаты

Перестройка, распад СССР ознаменовали собой начало процесса демократического транзита. Калининградская область, как часть России, также находится в данном процессе. Однако, ряд факторов усугублял проблемы демократического перехода: резкое сокращение военной группировки, создавал эффект дополнительного давления на изолированный рынок труда, сверхнормативные нагрузки, связанные с оторванностью области от основной территории усилили негативные тенденции в экономической системе.

Демографический фактор, связанный с переселенческим характером жителей области, высокой ролью миграции, предопределили несформированность региональной элиты, что затрудняет определение и реализацию стратегии развития Калининградской области.

Факторы, приведенные выше, определили атомарное состояние калининградского социума. Это в свою очередь позволяет экспертным оценкам по поводу настоящего и будущего глубоко проникать в общественное сознание. Демократический транзит, размывающий старые общественные институты, и формирующий взамен новые, дает

² Автор выражает признательность профессору, д.полит.наук, ректору Клемешеву А.П.

чувство неуверенности локальному сообществу: сопутствующие данному процессу трудности, утрата опор и ориентиров, которые проявляются в том, что индивиду необходимо «принадлежать» и «относиться» ведут к «политике идентичности».

Развернувшаяся дискуссия о стратегии развития Калининградской области играет очень заметную роль в осмыслении жителями региона своей идентичности. Ведь на передний план выходит именно региональная специфика, озабоченность будущим касается конкретно Калининградской области и населенного пункта в котором проживает человек.

Коротко перечислим основные подходы экспертов к решению проблем, связанных с эксклавностью Калининградской области:

1. «Калининградская область как мост» для российских товаров на рынки европейских стран. Эксперты, выступающие за подобный подход хотят использовать инфраструктуру Калининградской области для «перевалки» товаров предприятий России и Белоруссии в европейские страны.
2. «Калининградская область как военная база». Часть экспертов рассматривают область как подходящее место для размещения крупных военных баз. Удобное географическое положение, незамерзающий порт, близость к странам блока НАТО делают область стратегической для России в военном плане.
3. «Калининград как четвертая балтийская республика». Длительный временной период отрыва части этноса от основного этнического массива способствует формированию нового «духовно близкого» к этносу соседей Польши и Литвы особого «калининградского» субэтноса. Данный процесс происходит на основе религии большинства населения – православия, а также на основе активных культурных контактов с соседними странами – Польшей и Литвой.
4. «Калининград как пилотный регион сотрудничества» в отношениях Россия – ЕС. Об этом упоминается в среднесрочной стратегии России по отношению к ЕС (2000 - 2010). Согласно данной стратегии Калининградская область является тестовой площадкой трансграничного сотрудничества между Россией и странами Европейского союза.

Литература

1. Алимбиева А.В. Эклавный российский регион: проблема социальной идентичности // Регион сотрудничества. Вып. 15. Калининград: Издательство КГУ, 2001. С. 28
2. Калининградский социум в европейском контексте/ Под. ред. А.П. Клемешева, издательство КГУ, 2002. С. 15
3. Клемешев А.П., Федоров Г. М. Развитие Калининградской области в условиях российско – европейского взаимодействия на Балтике. Калининград: Издательство КГУ, 2004, с. 32
4. Хобсбаум Эрик Нации и национализм после 1780 года / «Алетейя»СПб. – 1998.
5. Хрох Мирослав От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм М.: 2002.

Этническая идентификация как объект политологии

Голубева Анна Сергеевна

Студентка 5 курса

Московский городской университет управления Правительства Москвы,

юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: gulyanurka@inbox.ru

Во второй половине XX века в мировом масштабе наметились процессы, характеризующиеся стремлением народов сохранить свою самобытность, подчеркнуть уникальность своей культуры и истории. Ярко выраженным процессом стал всплеск у многих миллионов людей этнической идентичности – осознания своей принадлежности к определенному этносу (этнической общности). Это явление затронуло население множества стран на всех континентах, общества разного типа и уровня развития – от традиционных до постиндустриальных. В науке его назвали этническим парадоксом современности, так как многие ученые полагали, что тенденции глобализации, нарастающая унификация духовной и материальной культуры и развитие личностного индивидуализма постепенно приведут к потере значения этнических факторов в жизни людей (Стефаненко Т.Г., 2006).

Так как с унификацией культуры количество этнодифференцирующих признаков неуклонно сокращается, принадлежность к тому или иному этносу не следует определять только набором определенных признаков. Важно понять, что этническая общность — это прежде всего представление человека о каких-либо признаках, а не сами по себе культурные отличия. К какому этносу человек сам себя относит и принимает ли его этническая общность.

Существует несколько концепций, объясняющих рост этнической идентичности: а) реакция отставших в развитии народов на порождающую этнокультурное разделение труда экономическую и технологическую экспансию более развитых народов; б) мировая социальная конкуренция, в результате которой усиливается внутриэтническое взаимодействие; в) повышение влияния больших социальных групп в экономике и политике и облегчение процессов их сплочения благодаря средствам массовой коммуникации.

В каждой из этих концепций, как справедливо отмечает этносоциолог А.А. Сусоколов, этнос рассматривается как группа, призванная обеспечивать экономические и политические преимущества.

Нужно отметить, что наблюдаемый психологический сдвиг в настроениях людей — большой интерес к корням, к традициям и обычаям предшествующих поколений - это есть следствие международных конфликтов, шок после краха двуполярного мира, энергетические кризисы, нарастание экологических угроз. Человек ощущает нестабильность окружающего мира, уменьшается его оптимизм и желание смотреть вперед. Все больше людей стремятся преодолеть оторванность от своих корней, склонны смотреть назад и вглубь, искать поддержку и защиту в стабильных ценностях предков. Человеку всегда необходимо ощущать себя частью «мы», и этнос становится той группой, в осознании принадлежности к которой человек ищет опору в жизни. Однако, этнос не единственная группа, можно назвать и другие: партии, церковные организации, профессиональные объединения, неформальные объединения молодежи и т.д. и т.п. Но в отличие от этноса, эти группы не постоянны, сроки их существования ограничены во времени, а состав групп постоянно обновляется.

Внешние обстоятельства могут толкать человека любого возраста на переосмысление роли этнической принадлежности в его жизни, приводить к трансформации этнической идентичности. Кроме этого на формирование и проявление этнической идентичности влияет целый ряд факторов, обусловленных особенностями социального окружения и межгрупповых отношений. Среди самых существенных можно

выделить: глобальные изменения в социально-политической сфере и связанные с ними изменения в межэтнических отношениях.

Ярким примером этого является рост этнической идентичности титульных этносов независимых государств, образовавшихся на постсоветском пространстве. В этом случае осознание принадлежности, с одной стороны, к этнической общности, а с другой, к государству, дополняют и усиливают друг друга. Здесь характерно проявляется «синдром навязанной этничности», который «означает, что этническая принадлежность человека, против его собственной воли и желания, становится чересчур значимой характеристикой его бытия и сознания, начинает определять его место в обществе, комплекс прав и обязанностей, а в его самоидентификации выходит на одно из первых мест» (Лебедева Н.М., 1997, с. 106). Примером могут служить Прибалтийские страны.

Зачастую, этническая солидарность формально становится синонимом политической солидарности, поскольку борьба ведется за расширение политических прав с тем, чтобы защитить свое дальнейшее существование в качестве группы или улучшить материальные условия жизни. Поэтому, как отмечает профессор В.А. Тишков, в наши дни этнических конфликтов и других этнополитических отношений в «чистом» виде фактически не существует. В реальности мы встречаемся с взаимопроникающими конфликтами, которые создают питательную среду друг для друга. Неудивительно, что даже специалисты-конфликтологи часто не могут прийти к единому мнению, с каким конфликтом имеют дело – с этническим в политическом камуфляже или наоборот.

Говоря об этнической идентичности, следует также отметить, что существует неправомерное смешение и отождествление этнической и конфессиональной идентичности. То есть считается, что определенные этносы и нации принадлежат той или иной религии. Тогда получается, что в силу этого отождествления любой этнический конфликт сразу обретает религиозную окраску. А чем хороша религия для противостоящих сторон? Тем, что это – абсолютная ценность. И когда все другие аргументы политического свойства исчерпаны и уже не мобилизуют массы на противостояние, на конфронтацию, то за религией эта функция остается. Она представляет собой такую ценность, за которую можно отдать жизнь. Несмотря на то, что во многих конфликтах присутствуют религиозные элементы, нельзя допускать отождествления этнической и конфессиональной идентичности, нужно их разграничивать.

В настоящее время значительно возрастает роль этнополитических процессов, происходящих в мире. Стремительное втягивание в политику под различными лозунгами с различными целями этнических и конфессиональных групп оказывает особое влияние на степень социально-политической стабильности во многих странах мира.

Этноконфессиональный фактор обладает способностью в наивысшей степени консолидировать отдельные элементы общества, что приводит к повышенной жесточенности конфликтов, возникающих на такого рода почве. Это связано с тем, что выдвижение на первый план защиты этнических интересов приводит к значительному сужению круга допустимых компромиссов для достижения согласия. Поэтому перед многими правящими элитами современных стран стоит задача поиска справедливого разрешения этнического и конфессионального вопроса с учетом общегосударственных и региональных интересов при сохранении самобытности каждой группы, являющейся меньшинством. Власть должна учитывать этноконфессиональный фактор, т.к. он является важным институтом в осуществлении государственной политики.

Литература

1. Этнопсихология: Учебник для вузов / Т.Г. Стефаненко.// М.: Аспект Пресс, 2006.
2. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России.// М., 1997.
3. Лебедева Н.М. «Синдром навязанной этничности и способы его преодоления.// Этническая психология и общество.// М.: Старый сад, 1997

Forging the World of Liberty under Law – новая модель международных отношений в эпоху глобализации?

Ефремов Александр Евгеньевич

студент

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия

E-mail: kpe12@yandex.ru

Стратегии национальной безопасности (СНБ) США от 20.09.2002 г., разработанная идеологами республиканской партии, призванная юридически обосновать гегемонию США потерпела крах. СНБ США от 20.09.2002 подверглась жесткой критике не только со стороны потенциальных противников (Россия, Китай) и союзников (ЕС), но даже внутри страны. Это привело к формированию двухпартийного консенсуса американских элит в отношении будущей модели международных отношений.

Одной из самых серьезных заявок на "новую модель международных отношений в эпоху глобализации" является проект *Forging the World of Liberty under Law* {1}. Почетными сопредседателями этого проекта являлись бывший госсекретарь Джордж Шульц и помощник президента по национальной безопасности Энтони Лейк. Проект возглавила декан Школы публичной политики и международных отношений Принстонского университета Анна-Мари Слотер. Кроме того над данной концепцией работали 400 ведущих специалистов внешнеполитической мысли США (Г.Киссинджер, Ф.Фукуяма, Р.Литвак, Ф.Рогатин, С.Фридман, Э.Коэн, Т.Кристенсен, А.Ливен, Дж.Икенберри, Ч.Капчан, М.Рейсс, Дж.Стейнберг, З.Бжезинский, Ф.Закария и др.).

Авторы проекта "*Forging the World of Liberty under Law*" предлагают руководству США отказаться от взгляда на мир сквозь призму "11 сентября", признать объективное отсутствие единого принципа, вокруг которого можно сформировать внешнеполитическую доктрину (как это было с антифашизмом и антикоммунизмом). В XXI веке необходимо "вновь возродить идеи Джорджа Кеннана, выраженной в «длинной телеграмме», которая являлась основой концепции Сдерживания СССР, и позволила США победить в холодной войне".

Америка обречена действовать на мировой арене в одиночестве, так как мир неизбежно скатывается к противостоянию США с одной стороны и остального мира, с другой. Поэтому США должны иметь разнообразные инструменты реагирования на разнообразные угрозы, сочетать в себе силу принуждения и возможность быть привлекательной, основанной, скорее, на интересах Америки, нежели на ответах вероятным угрозам – заявляют авторы "*Forging the World of Liberty under Law*".

Однако практическая реализация концепции "*Forging the World of Liberty under Law*" невозможна без кардинального пересмотра "устаревших внешнеполитических инструментов", прежде всего международно-правовой системы.

Необходимо срочно провести радикальную реформу ООН. В качестве возможного варианта реформы ООН приводятся концепция заместителя генерального секретаря ООН по миротворческим операциям (1983—1993 гг.) и по политическим вопросам (1993—1997 гг.) Маррака Гулдинга {2}.

Реформа ООН должна коснуться в первую очередь Совета Безопасности ООН. В "эпоху глобализации необходимо отменить право вето, которое ущемляет права многих демократических стран и является защитой для авторитарных режимов".

Очень важно создание независимого Консультативного совета, состоящего главным образом из экспертов, не являющихся сотрудниками ООН, который давал бы Совету Безопасности рекомендации относительно планирования и выполнения миротворческих операций.

Необходимо усилить роль Комиссии по правам человека, у которой на данный момент фактически нет никакой легитимности, что наносит ущерб репутации ООН. Кроме того, необходимо более широкое и эффективное участие неправительственных организаций в предотвращении, урегулировании и разрешении конфликтов. Крупнейшие

правозащитные организации (International Helsinki Federation for Human Rights и Human Right Watch) должны получить особый статус при ООН, а их доклады должны иметь статус рекомендательных резолюций ООН.

Еще одним важным шагом в изменении международно-правовой системе является формирование новой международной структуры - "Сообщества демократий", способной не только скреплять печатью легитимности действия США в мире, но и авторизовывать применение силы в отношении остальных суверенных стран. Это необходимо для оказания помощи «слабым», «гибнущим» и «неудавшимся» государствам, которые в условиях глобальной борьбы с терроризмом становятся «инкубаторами и прибежищем для международных террористических группировок».

Под «слабым», «гибнущим» и «неудавшимся» государствами понимаются страны, которые {4}:

1) жестоко обращаются со своими собственными гражданами и расходуют национальные ресурсы для личной выгоды правителей;

2) не проявляют никакого уважения к международному праву, угрожают своим соседям и безжалостно нарушают международные соглашения, в которых являются стороной;

3) стремятся приобрести оружие массового уничтожения, наряду с другой продвинутой военной технологией, чтобы создавать угрозы или достигать агрессивных целей этих режимов;

4) поддерживают терроризм на всем земном шаре;

5) отвергают основные человеческие ценности и ненавидят Соединенные Штаты и всех, кто за них стоит.

В отличие от концепции "силовой агрессивности" неоконсерваторов (превентивные ядерные удары по террористам и странам "оси зла", осуществление "оранжевых революций" и пр.), концепция "Forging the World of Liberty under Law" ориентируется на "долговременную осаду" мирового авторитаризма, созданию долгосрочных "продемократических" центров силы в элитах "авторитарных" государств.

Формирование пула "демократических государств" позволяет США создать четкую политическую грань между развитыми демократическими странами - потребителями ресурсов и по большей части авторитарными государствами- поставщиками.

Одна из главных задач "Forging the World of Liberty under Law" - консолидация позиций Запада (понимаемого уже как "концерт демократий") ради "справедливого" распределения глобальных ресурсов. Не исключено, что на практике в результате такой политики, Россия уже через 10-15 лет может столкнуться с тем, что вести переговоры о поставках нефти/газа придется уже не в двустороннем формате (оставляющем значительную свободу маневра на противоречиях потребителей), а с управляемым из Вашингтона консорциумом в составе: потребителей-западноевропейцев и транзитеров-союзников США {5}

Литература:

1) Forging the World of Liberty under Law. U.S. National Security In The 21st Century. Published by The Woodrow Wilson School of Public and International Affairs Princeton University (<http://www.princeton.edu/~ppns/report/FinalReport.pdf>)

2)Hearing on «Stabilization and Reconstruction: Building Peace in a Hostile Environment» / Testimony of J. Kunder. Committee on Foreign Relations US Senate. June 16, 2005 (<http://foreign.senate.gov/testimony/2005/KunderTestimony050616.pdf>).

3) Маррак Гулдинг "ООН: лидерство, реформы и миротворчество //Рабочие материалы CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE. February 2004

4) Homeland Security Act of 2002 ([http:// www.whitehouse.gov/docs.htm](http://www.whitehouse.gov/docs.htm))

5) Материалы и комментарии Службы внешней разведки // Открытые доклады СВР России, М., 2006

Возрастающая тенденция внутренней регионализации России как фактор усиления ее национальной безопасности в условиях глобализации

Зими́на Надежда Серге́евна

Аспирант

Читинский государственный университет, Чита, Россия

E-mail: 13zimina@mail.ru

Глобализацию в контексте проблем регионализации и усиления национальной безопасности необходимо рассматривать как процесс формирования такого гомогенного пространства, при котором происходит целенаправленное стирание этнокультурных, экономических, социальных, политических границ и, следовательно, их особенностей, что ведет к формированию единого социоэкономического и политического пространства. Для России это проявляется в утрате «государственной идентичности», в том числе идентичности всего населения страны, что приводит к разрушительной трансформации «национально-цивилизационной идентичности» современного российского общества (3). Такая ситуация вызывает угрозу его национальной безопасности, утрачивается единая целостная основа развития страны.

Поэтому закономерно в условиях глобализации формируется новая тенденция мирового развития – регионализация. Это противоречивый по отношению к глобализации, но синергетический процесс возникновения и упорядочивания нового политического, социокультурного, экономического пространства, направленный на обеспечение устойчивого и безопасного национального развития. Регионализация – это формирование как внутренних, в границах исторически сложившихся суперэтносов, так и новых регионов-систем, являющихся подсистемами более сложной международной системы и соответствующих определенным межнациональным характеристикам: политическая, экономическая (ресурсная) самодостаточность, социокультурная, природная общность, высокая способность в обеспечении региональной и национальной безопасности. Таким образом, в системе обеспечения международной безопасности в качестве самостоятельных субъектов-акторов выступают регионы (1). Как было отмечено, регионализация – это формирование нового социокультурного и природного пространства на основе интеграции более локальных территорий, сообществ, процесс, учитывающий специфику развития каждого социума.

Подходя к пониманию регионализации с позиций системно-синергетического подхода, Российскую Федерацию разных этнических социумов необходимо рассматривать, прежде всего, как «российский регион» - подсистему системы международных отношений. Определять его как подсистему позволяет то, что это социоприродное образование состоит, в свою очередь, из совокупности элементов – формирующихся внутренних регионов России.

Сегодня в России, под воздействием различных факторов глобализации, наметился процесс ее внутренней регионализации. Для него характерно возникновение внутренних, качественно новых, самодостаточных регионов, но при сохранении целостности единого российского полиэтнического государства. Так, внутри российского региона-системы как элементы выступают его внутренние регионы-подсистемы.

На развитие регионов как системы влияет множество различных факторов и условий. Формирование внутренних российских регионов мобилизует и интенсифицирует местные этнокультурные и социоэкономические особенности развития каждой территории, т.е. при внутренней регионализации учитывается опыт развития каждого субъекта Российской Федерации. В этом плане необходимо фиксировать сочленение границ внутренних регионов России с границами федеральных округов, выделяя этот синергетический процесс предметом научной рефлексии. Это можно считать важной особенностью реализуемой политики внутренней регионализации России, так как данные территории соответствуют многим характеристикам и общенаучным представлениям региона, являя собой самодостаточные социумы, прежде

всего в ресурсном и этнокультурном аспекте. Формирующиеся внутренние российские регионы, являясь в то же время участниками системы международных отношений, представляют, прежде всего, интересы всего государства в-целом, преследуют возможности безопасных международных взаимоотношений. Как отмечалось, внутренняя регионализация России тесно взаимосвязана с региональной политикой государства, с принципами федерализма. Во внутренних регионах России обнаруживается способность и потенциал обеспечения стабильного, устойчивого развития, как их самих, так и самого государства, представляющего в условиях глобализации «российский регион-систему». Внутренние регионы, в свою очередь, напрямую влияют на состояние национальной безопасности государства. В трансграничном сотрудничестве и взаимодействии они представляют, а, следовательно, и защищают национальные и региональные интересы всего государства.

Внутренние регионы России призваны обеспечить баланс безопасного развития российского государства.

Региональные особенности развития, их эффективное использование способно придать мобильность и гибкость государству при обеспечении его национальной безопасности. Это обеспечивает фундамент, основу новых стратегий безопасного и устойчивого развития государства-региона. Формирование внутренних регионов России приводит к укреплению целостности государства за счет интеграции в крупные внутренние регионы разрозненных, в том числе и ослабленных, депрессивных, территорий. В таком случае проведение политики обеспечения национальной безопасности становится более позитивным, в определенной степени облегчается, так как государство имеет дело с крупными стабильными регионами.

Национальная безопасность – это состояние государства, при котором сохраняется его целостность и возможность быть самостоятельным субъектом системы международных отношений (2). Как уже было отмечено, внутренняя регионализация способствует сохранению и укреплению целостности государства, следовательно, его национальной безопасности. Национальная безопасность России соотносится с процессом регионализации внутри страны. С одной стороны, без сильных регионов не может быть сильного государства, поэтому важнейшим фактором национальной безопасности становится эффективная региональная политика. Регионы в данном случае являются объектом политики национальной безопасности. С другой стороны, сами регионы объективно заинтересованы в стабильности государства, прочности его положения в мировом сообществе, выступая в связи с этим ключевыми субъектами осуществления политики национальной безопасности (2).

Таким образом, можно проследить связь процесса внутренней регионализации и национальной безопасности государства. Только внутренне стабильное, устойчиво и динамично развивающееся государство способно обеспечить свою национальную безопасность.

Литература

1. Абрамов, В.А., Феоктистов, В.М., Чашин, В.В. Глобализация и регионализация в контексте проблем национальной безопасности. / В. А. Абрамов, В.М. Феоктистов, В.В. Чашин // Вестник МАНЭБ. – 2006. – № 5. – С. 26 – 32.
2. Абрамов, Ю. Ф., Арсентьева, И. И. Регионоведение России. Учебное пособие. / Ю. Ф. Абрамов, И. И. Арсентьева – Иркутск: ИГУ, 2006. – 164 с.
3. Семенов, В.С. О перспективах человека в XXI столетии. / В.С. Семенов // Вопросы философии. – 2005. – № 9. – С. 26 – 37

Влияние Глобализации на миграционные процессы в странах ЕС

Иванова Наталья Валентиновна

Студент

*Тверской государственной университет, факультет управления и социологии, г. Тверь,
Россия*

nata-simoronka@rambler.ru

Миграция становится все более заметным фактором европейской жизни. По прогнозам демографического развития, Европа будет нуждаться в постоянном ежегодном миграционном приросте на уровне 1,9 млн. человек. На протяжении 15 лет Германия остается главной страной миграции для стран ЦВЕ - 64,4%. Наряду с ней входят Швейцария и Австрия - 76,9% мигрантов ЦВЕ, затем Италия и Франция.

В докладе Ф. Ришнера, генерального директора Департамента занятости, социальных дел и равных возможностей ЕС, указано возрастание занятости мигрантов в секторе среднеквалифицированных и высококвалифицированных работников. Количество мигрантов средней квалификации возросло на 50%, а высококвалифицированных - в два раза. В последние три года наблюдается снижение темпов экономического развития ЕС. Для улучшения ситуации в ЕС необходимо к 2010 году создать более 20 млн. рабочих мест, что весьма проблематично. В то же время ожидается, что общее количество людей трудоспособного возраста между 2010 и 2030 годами будет сокращаться в среднем на 1 млн. человек в год. Поэтому, даже если уровень занятости стабилизируется на уровне 70%, но не будет возрастания миграции, экономический рост в ЕС упадет до 0,5% в год.

Число прибывающих трудовых мигрантов растет практически во всех странах ЕС. Тем не менее, их миграционная политика в целом не слишком гостеприимна. Иерархия стран по привлекательности для трудовых мигрантов, совпадает с их распределением по количеству мигрантов (Германия, Франция, Великобритания, Италия, Испания, Швейцария).

Страны ЕС начали проводить политику привлечения на постоянное проживание тех иностранцев, кто закончил вузы этих. Особенно такие возможности открываются у специалистов в области IT-технологий. Германия выдала первые 1500 «green cards» из предполагаемых 10,4 тысячи для таких специалистов. Этим же путем следуют и остальные страны ЕС. Еврокомиссар по вопросам юстиции Фраттини хочет привлечь высококвалифицированную рабочую силу. По оценкам Еврокомиссии, в таких специалистах нуждается прежде всего Германия. Он выступает за смену идеологии: ЕС должен способствовать наплыву квалифицированной рабочей силы. Для этого он предлагает ввести так называемую Blue Card. Конкретные предложения относительно будущего закона планируются на 23 октября 2008 года.

Рассматривая Европейскую территорию, как единую глобальную миграционную систему, то в ней существуют две субрегиональные миграционные системы (одна — ЕС, с ядром в странах старого ЕС и вторая — Евразийская система, которая включает все страны СНГ и как центр притяжения — Россию). Для предотвращения проникновения «нежелательных» мигрантов были созданы «зоны различных типов соседства» по отношению к ЕС.

Основой западноевропейской миграционной системы являются «получающие страны старого ядра». Они начали формирование экономического и политического единого пространств со свободным передвижением, рынком труда и гражданством Евросоюза. Зона «периферии стран старого ядра», длительное время сами были источником гастарбайтеров для стран «ядра». Третья зона - «присоединившиеся» к Евросоюзу в 2004 году страны (Венгрия, Польша, Чехия, Словакия, Словения, Эстония, Литва, Латвия, Мальта, Кипр). Эти страны являются транзитными для мигрантов, уровень

нелегальной миграции в них за последние 5 лет вырос в несколько раз и составляет около 80% от всех пересечений их границ.

Учитывая, что только страны ядра ЕС имеют все возможности свободного обращения рабочей силы, сложно ожидать, что квалифицированные специалисты легко попадут на рынок труда ЕС, обнесенный несколькими зонами стран с разной степенью «дружеских» отношений.

Таким образом, можно сказать, что миграционные процессы ЕС в эпоху глобализации приобрели более сложную структуру. Но, тем не менее, сложившаяся экономическая и демографическая ситуация в ЕС вынуждают принимать шаги по внутреннему расширению за счет легализовавшихся на рынке труда мигрантов. Европа по-прежнему нуждается в квалифицированной рабочей силе.

Литература:

1. Ивахнюк И. Международная миграция, М., 2005
2. Материалы Совета Европы: «К стратегии управления миграцией», CDMG (2000) 11 rev, Брюссель, 2000
3. Bade Klaus J. History of European Migration. Blackwell, US, 2003. p. 278
4. Migration information sources:
www.migrationinformation.org/feature/print.cfm?ID=230
5. Munz R. Migrants, labor markets and integration in Europe: a comparative analysis. Regional Report for the Global Commission on International Migration (GCIM), Working paper, Regional Hearing on Europe
6. Regional hearing for Europe, Bud. Fact Sheet. UN GCIM, 2006

Косово: уникальная проблема или прецедент?

Калугин Александр Александрович

студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: sansanich-n1@yandex.ru

В Уставе ООН заложено 2 противоречащих друг другу принципа: право нации на самоопределение и гарантия суверенитета государств. Последний принцип также гарантируется Хельсинским соглашением 1975 года, к которому присоединились 56 государств. Устав ООН – это основа организации. Но решить проблему Косово не получится, пока существует это противоречие.

Но дело не в том, что ООН нарушил свой Устав: ООН не признал независимости Косово, объявленной в одностороннем порядке. Дело в интересах отдельных государств, таких как США, потому что они часто идут на нарушение международного права в целях достижения национального интереса. Так было и в Югославии в 90-е годы, и в Ираке. Косово – это очередной пример того, что международное право просто не действует.

Косово – это кирпичик, который, если его вытащить, повлечет за собой постепенный развал современного международного права. Поэтому западные политики его и называют «уникальным» случаем. По крайней мере, пытаются называть, потому что во многих странах этот тезис ставится под сомнение. Особенно яро опровергают эту идею национальные меньшинства, стремящиеся к независимости.

Итак, можно ли считать этот случай «уникальным» или же объявление независимости Косово создаст международный прецедент? «Уникальной» косовскую ситуацию, конечно, можно назвать, но по другой причине. Косово и Метохия на протяжении веков никогда не было самостоятельным государством, а находилось в составе Сербии. В 6 веке на эту территорию пришли славяне, а албанцев тут в помине не было. Хотя сейчас албанскими исследователями выдвигаются теории, что иллирийцы, жившие здесь до прихода славян, были прародителями албанцев. Но эти предположения ошибочны, потому что иллирийцы были местным народом, ассимилированным сербами и хорватами. Таким образом, преобладание сербского этноса в этом регионе было бесспорно, несмотря на турецкое завоевание, вынужденное переселение и войны, вплоть до начала 20 века.

В конце 19 века начала появляться идея о том, что Косово – «колыбель албанской нации». И ко Второй мировой войне – хотя в 1929 году в регионе было 61% сербов и черногорцев и 39% представителей албанской и других национальностей – баланс народов был примерно равный. Из-за сотрудничества албанской политической элиты с фашистской Италией косовским албанцам была оказана поддержка. Во время Второй мировой войны появляется идея о «Великой Албании», т.е. воссоединение всех албанских территорий. Итог: десятки тысяч сербов убиты, 100 тысяч – изгнано. После войны, когда Косово в очередной раз возвращается в состав Югославии, ее руководитель Иосип Броз Тито во избежание этнических конфликтов запретил изгнанным сербам возвращаться.

1968—1988 – разгул национал-шовинистского сепаратизма и нетерпимости в отношении сербов – край покинуло около 220 тысяч сербов и черногорцев. Согласно реальным демографическим статистическим оценкам, в 1998 в Косово проживало около 800 тысяч албанцев, около 250 тысяч сербов и черногорцев, около 150 тысяч мусульман и столько же турок, ромов, горанцев и других малых этнических групп. Начиная с 1999 года в результате геноцида сербов, устроенного албанскими сепаратистами при поддержке НАТО, край покинуло более 200 тысяч этнических сербов. И в результате – полное преобладание сербского этноса теперь сведено к нулю: сербов в Косово осталось меньше 10%. Справедливости ради надо отметить, что албанское население Косово тоже понесло немалый урон в войне в 90-е годы. Но это была война, а не сербов истребляли и в мирное время в течение половины века.

Справедливо ли это, отнимать исторический, культурный, религиозный и политический символ Сербии, притом, что на этой территории всегда жили сербы? Чисто логически это сомнительная «уникальность» проблемы, выставленная западом.

Сербия всячески против независимости Косово. И хотя президент Сербии Тадич склоняется к тому, чтобы избавиться от головной боли по поводу и так фактически утраченного Косово, чтобы наконец заняться собственно сербскими проблемами и получить перспективу вхождения в ЕС, публично высказывать эту точку зрения не решается.

И дело даже не в том, что Коштуница – «умеренный националист», а в том, что сербское общество, пережившее шок от утраты практически всех сербских земель за пределами нынешней Сербии, а также от разрыва с Черногорией, просто не в состоянии сегодня вынести последний удар по своему национальному самолюбию. Но то, что на выборах с 1998 года радикалы уже не побеждают, а в 2008 вновь победил президент-демократ с западным уклоном Борис Тадич, заставляет задуматься. Может быть, какая-то часть общества и возьмется за оружие, чтобы отстаивать целостность Сербии, но в целом сербы устали от войны.

Для косоваров же независимость, пусть и «поднадзорная», – это то, что практически никто уже не ставит под сомнение. Это цель, объединяющая всю албанскую общину, которую никто не готов променять ни на какие иные формы национально-государственного существования. Самая широкая автономия, фактическая независимость, но формально в составе Сербии, для них неприемлема. Понятно, что и в Косово ни одна политическая сила не рискует поставить под сомнение независимость края.

Фактически ЕС покупает Косово у Сербии в обмен на интеграцию и экономическую помощь. В виду того, что де-факто Косово уже независимое государство, не нуждающееся в дотациях центра, получающее гуманитарную помощь от НАТО и ООН, сербское руководство понимает, что все уже решено за них. Но признавать поражение это не в правилах политиков. Поэтому и Россия настаивает на том, что признает независимость Косово только с согласия Сербии. Кроме вето резолюции по независимости края и гуманитарной помощи Россия, к сожалению, ничего больше сделать не может. Да и обострять отношения с западом Россия не намерена.

Косово уже признали ведущие мировые игроки, такие как США, Германия, Франция, Великобритания. Активными противниками объявления независимости являются такие страны, как Россия, Китай, Испания, Португалия, Словакия, Кипр, Греция, Румыния, Грузия, Украина и Венгрия. Т.е. страны, в которых сложная этническая ситуация.

Возможными последствиями этого конфликта возможна дестабилизация ситуации во многих государствах со сложным этническим составом. Возможно обострение в сербской части Косово, но массового исхода сербов не будет, т.к. это послужит косвенным признаком неправомерности принятого решения. И хотя многие этнические меньшинства захотят последовать примеру Косово, но в целом, в современном мире не допустят перекроя политической карты. Косово – это точка нестабильности в Европе, поэтому цель такой кампании – разрешить внутриевропейский конфликт.

Косово – один из многочисленных примеров, подтверждающих «право сильного», тех, кто пытается построить мировой порядок так, как им кажется правильно. Но когда в угоду одной нации ущемляется другая, мир не может быть справедливым и стабильным.

Литература

1. Е. Ю. Белина «Югославия: истоки конфликта» – журнал «ЭКО» №3 – «Наука» Новосибирск 1999 г.
2. В. Коган-Ясный «Косово: торжество обывательской политики» – «Москва» Москва 1999.
3. Айдын Гаджиев «Косовская проблема в политическом и историческом переплете»

Запад и Ислам: характер взаимоотношений в условиях глобализации

Калюжная Дарья Евгеньевна³

студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: dashustick@yandex.ru

11 октября 1962 года ознаменовалось открытием II Ватиканского собора, позднейшего собора Католической Церкви. Декларация об отношении Церкви к нехристианским религиям *Nostra aetate* заявляла: «Церковь также с уважением относится и к мусульманам, которые поклоняются Единому Богу, живому и сущему, милосердному и всемогущему, Творцу неба и земли, который говорил к людям» (п. 3). Кроме того, в догматическую конституцию о Церкви *Lumen gentium* собор включил параграф (п.16), в котором утверждается возможность спасения и для нехристиан.

Стремясь всемерно способствовать взаимопониманию между народами и государствами ООН, ОБСЕ, Парламентская Ассамблея Совета Европы и другие международные межгосударственные организации активно поощряют диалог между цивилизациями, рассматривая межрелигиозный диалог как его составную часть. Именно в этом направлении ориентируют правительства и общества решения Генеральной Ассамблеи ООН о провозглашении 1995 года - Международным годом толерантности, 2000 года - Международным годом культуры мира, 2001 года - Годом диалога цивилизаций под эгидой ООН, 2001-2010 годов - Международным десятилетием культуры ненасилия и мира в интересах детей планеты. В этом же ключе можно рассматривать ежегодные резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о взаимодействии с Организацией Исламская конференция, созыв ею в мае 2001 года Всемирного саммита религиозных и духовных лидеров и учреждение Совета религиозных представителей при ООН, а также Рекомендацию Парламентской Ассамблеи Совета Европы "О вкладе исламской цивилизации в европейскую культуру".

Казалось бы, мировое сообщество всецело настроено на поиск жизненно необходимого компромисса во взаимоотношениях Исламской и секуляризованной Западной цивилизаций. Однако «чёрный вторник» (трагедия 11 сентября 2001 г.) стал свидетельством того, что исламизм, возвращающийся к традиционному фундаментализму через экстремизм, и западный «мондиализм», совершающий прорыв в информационную эпоху через «силовой глобализм», далеки от мирной коэволюции. Международный терроризм и сопутствующая ему цепь ответных «операций возмездия» явили собой новый вид войны без правил.

Народы с архаичным укладом жизни и религиозным мировоззрением на постсоветском пространстве закономерно испытали страх перед потерей собственной национально-культурной идентичности, под натиском глобализации, а точнее - вестернизации. Как реакция на разрушительное воздействие западной цивилизации, возникает сильная тенденция к отстаиванию своей самобытности, опирающаяся на культурное достояние в его символической, ценностной и институциональной формах, создавая благоприятную почву для появления всякого рода тайных организаций под религиозно – изотерическими вывесками: «Братья-мусульмане», «Партия Аллаха (Хизбалла)», «Исламский Джихад», «Аль-Каида», «Аль-Хамас», «Воины Иегова», «Воины Христа» и т.п. Появление новых религиозных лидеров или групп происходило на фоне сложной социально-экономической обстановки, что неизменно приводило к использованию религиозных воззрений в политических целях. Симбиоз религии и политики, изначально аморальный по своей природе, всё более обостряет и затягивает конфликты в межэтнических и межконфессиональных отношениях. Это затрудняет

³ Автор выражает признательность профессору, доктору политических наук Шахалилову Ш.Ш. за помощь в подготовке тезисов.

возможность достижения цивилизационных компромиссов на путях поиска политического урегулирования застарелых конфликтов, имеющих религиозную окраску и несущих в себе печать исторической незавершённости. Так в «Энциклопедии войн XX века», подготовленной Лондонским международным институтом стратегических исследований, приводятся причины всех более или менее значимых войн и конфликтов. В общей сложности их насчитано более 160, при этом из них около 70 происходило в мусульманском мире или с участием исламских стран...

Кроме того, весьма противоречив и сам характер взаимоотношений Запада с «террористической угрозой». Из опубликованных недавно в Париже книг Поля Барриля «Секретная война в Аравии» и двух близких к спецслужбам французских авторов Жан-Шарля Бризара и Гийома Дескье «Бен Ладен. Запрещённая правда» достоянием гласности стала скандальная нефтяная подоплёка событий, связанных с американской трагедией 11 сентября.

Основываясь на «межцивилизационном» подходе, исследуемом в работах А. Тойнби, Л.И. Медведко и других политологов, нами проведён анализ исторического контекста влияния процессов глобализации на развитие отношений между Исламским миром и Западной цивилизацией, выявлены тенденции к диалогу и взаимопроникновению полярных культур, истоки противоречий и конфликтности их сосуществования, дана идеологическая и геополитическая оценка современной конъюнктуры.

* * *

Проведённое исследование показало, что хотя в последнее время терроризм часто окрашивают в зелёный цвет ислама, на самом деле таковой прямо противоположен человеконенавистнической идеологии радикальных фундаменталистских организаций и в действительности в себе, в своей «веротерпимости» содержит противоядие против «исламского» экстремизма. Сам же мусульманский мир во второй половине XX века, после «исламской революции» в Иране, в значительной степени эволюционировал в сторону интегрального сопряжения разных цивилизационных проектов. Однако необходимо разграничивать такие понятия, как «диалог» и «насильственный синтез двух «мир-систем» в одну под эгидой глобализации», что, на наш взгляд, предпринимает Запад, подпитывая террор разрушительной энергией. Дихотомия западного глобализма и исламского регионализма не может быть преодолена только силами богословов и миролюбивых деклараций, необходим поиск путей сопряжения в целях предотвращения катастрофы на «разломах цивилизаций».

Литература

1. Медведко Л.И. (2003) Россия, Запад, Ислам: «столкновение цивилизаций»? Миры в мировых и «других» войнах на разломе эпох. – Жуковский; М.: Кучково поле.
2. Журавский А.В. (1990) Христианство и ислам: социокультурные проблемы диалога. М.: Наука.
3. Нуруллаев А.А. (2001) Проблемы диалога религий в эпоху глобализации. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. - Серия: Политология. - № 3. - С. 28-35.
4. Русанова О.А. (2004) Методологическая основа анализа религиозного экстремизма в целом и агрессивного ваххабизма в частности. // *Россия и социальные изменения в современном мире // Сборник статей аспирантов в 3-х томах*. – Т.1. М.: МАКС пресс.
5. Тойнби А.Дж. (1996) Цивилизация перед судом истории. М.: Прогресс.
6. Wellman David Joseph (2004). Sustainable diplomacy: ecology, religion, ethics in Muslim – Christian relations.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.:2003
8. Фукуяма Фр. (1999) Конец истории.-М.ООО «Изд-во АСТ».

Проблемные стороны в системе отношений КНР и РФ: совместные гидроресурсы

Каменских Михаил Сергеевич

аспирант

Институт истории и археологии УрОРАН, Екатеринбург, Россия

e-mail: pomidorrr@mail.ru

На сегодняшний день дипломатические отношения между КНР и РФ правомерно оцениваются как дружеские и оба государства прикладывают к этому усилия. Однако тесное сотрудничество несет в себе и массу негативных сторон. В качестве основных называются заселение гражданами КНР территорий РФ, захват российских рынков китайскими производителями, также многое другое. Одной из таких проблем является проблема совместных русско-китайских гидроресурсов. Ранее это явление не воспринималось как проблема. Однако в свете событий последних двух лет она начинает привлекать все большее внимание и требует детального анализа. Ввиду слабой изученности основным источником исследования стали в основном газетные и журнальные публикации, статистические и экономические исследования, нормативно-правовые акты.

Целью данного исследования является оценка проблемы совместных русско-китайских гидроресурсов ресурсов на современном этапе, ее суть и аспекты и перспективы.

Начиная с реформ конца 80-х – 90-х гг. Китай имеет непрерывный экономический рост (1). Растет количество и качество производимых товаров, улучшается благосостояние граждан. Однако экономический рост в данном случае подразумевает и бурное промышленное развитие, которое, в свою очередь, ведет к экологическим проблемам.

Проблема отсутствия качественных гидроресурсов – одна из важнейших сторон современной экологической ситуации в Китае. Годовой сток рек Китая составляет более 2600 млрд. куб. м, или 6,6% мирового стока рек; Китай находится в числе первых по этому показателю стран. Годовой слой стока, тем не менее, составляет в среднем лишь 271 мм, это ниже, чем в среднем в мире (2). Эта же цифра на территории граничащего с Россией северо-западного Китая колеблется в районе 30%, а в СЦАО она вообще составляет 8% (3). Для развивающегося промышленного региона эта цифра непозволительно мала.

Вторая сторона проблемы – количество пресной воды. Источники питьевой воды стали главной проблемой безопасной жизни в Китае. По оценкам экспертов, в 70% пресных водоемов КНР уровень загрязнения превышает норму, свыше 30% территории страны подвержено воздействию кислотных дождей. Существуют даже прогнозы, что к 2010 г. Китай может столкнуться с первым водным кризисом, а в дальнейшем – превратиться в крупного импортера питьевой воды (1; 142).

Вариантов решения этой проблемы может быть разработано много. Один из наиболее простых – привлечение вод рек сопредельных государств. Россия имеет в совместном пользовании с Китаем более двадцати рек, крупнейшими из которых являются две центральные для дальневосточного региона водные артерии – Амур и Иртыш. Обе реки имеют выход в Китай. В этом заключается суть означенной проблемы.

Аспекты проблемы диктуют реальные события.

Во-первых, Китай может заняться отбором воды, что приведет к обмелению. Здесь уместно упомянуть проблему «Черного Иртыша». Река, известная нам как Иртыш, делится на две части. Черный Иртыш – одна из них. Он берет начало на склонах Алтая в КНР, где он называется Черный Иртыш. На протяжении 618 километров Иртыш протекает по китайской территории. Затем, он пересекает китайско-казахстанскую границу и впадает в озеро Зайсан, а из него вытекает уже под именем Иртыш, устремляясь в Россию, чтобы влиться в Обь. Общая протяженность реки превышает 4 тыс. км, а площадь ее бассейна – свыше 1600 кв. километров. Не говоря уже о

фундаментальном значении реки в экосистеме региона, Иртыш играет видную роль в экономике трех стран (4).

Активный отбор воды из Черного Иртыша для нужд сельского хозяйства китайцы начали еще на рубеже 70-80-х годов прошлого столетия. А в 1998 г. они приступили к строительству канала для снабжения водой центральной части Синьцзян-Уйгурского автономного района и, в частности, Карамайского нефтяного промысла. Последствия будут катастрофическими: резко обмелеет красивейшее озеро Зайсан, Бухтарминское водохранилище. Эксперты полагают, что в перспективе, к 2020 г., он увеличит отбор до 20-25% стока. А по наблюдениям казахстанских специалистов, общий отбор Китаем воды Иртыша уже сейчас превышает 35% от уровня 15-летней давности. По словам руководителя управления Росприроднадзора по Омской области Александра Щербакова, планируемый Китаем забор воды может иметь самые серьезные последствия (5).

Китайская позиция в очередной раз безупречна – они-то забирают свою воду, из своей реки, на своей территории. Никакого соглашения о трансграничных реках, до сих пор нет. Последний документ о русско-китайской границе, ратифицированный Федеральным Собранием в мае 2005 г. не касается данной проблемы (6). В феврале 2007 г. российские ученые гидрологи вновь обозначили проблему совместных гидроресурсов, сетуя на отсутствие четкой политики в этом вопросе со стороны государства (7; 13-14).

Во-вторых, Россия сама может пострадать от соседства с Китаем. Как известно, в ноябре 2005 года в Китае произошла экологическая катастрофа. В результате взрыва на Цзилинском заводе дефинила Китайской национальной нефтегазовой компании, произошедшего 13 ноября 2005 г., большое количество вредных веществ попало в реку Сунхуацзян (Сунгари). С водами Амура загрязнение было перенесено в ряд городов и населенных пунктов Российской Федерации: Ленинское, Хабаровск, Троицкое, Комсомольск-на-Амуре. 25 ноября в Хабаровске было объявлено чрезвычайное положение. К счастью, совместными усилиями последствия катастрофы удалось преодолеть (8; 23-30).

Случай с загрязнением Амура - первый серьезный экологический инцидент в Китае, прямо затронувший другое государство. Однако для самого Китая подобные происшествия являются скорее нормой, чем исключением из правил. Так, через 11 дней после этой аварии на юго-западе страны в городе Чунцин взорвался другой нефтехимический завод, результатом чего вновь стал выброс бензола (11).

Таким образом, исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод о проблемности районов общих русско-китайских водных артерий. Учитывая катастрофическую ситуацию с гидроресурсами в Китае, есть все основания полагать, что именно описанная выше проблема в будущем может стать одним из ключевых вопросов в системе российско-китайских отношений.

Литература

1. Об экономическом росте Китая написано много. В данном случае можно порекомендовать монографию Малевича Г. В., целиком посвященную этой теме: Малевич Г. В. Внимание, Китай. – М., 2000.

<http://www.utro.ru/articles/2005/12/06/501591.shtm>

2. <http://china.kulichki.com/figures/land/021.shtml>

3. Там же.

5. <http://www.utro.ru/articles/2005/12/06/501591.shtm>

6. См. подр.: Федеральный закон от 31 мая 2005 «Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о русско-китайской государственной границе на ее Восточной части»/ "Бюллетень международных договоров" N 7 за 2005 год.

7. Подольский С. А. Китайцы на Дальнем Востоке/ Русский дом, № 3, 2007.

6. <http://www.izvestia.ru/economic/article2684400>

7. http://www.iicas.org/AIBOLIT/publ_Vtr_3.htm

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ СМИ В ГЛОБАЛЬНОЙ БОРЬБЕ ЗА ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ

Карнов Дмитрий Михайлович

Физический факультет МГУ, Москва, Россия

e-mail: webarcher@mail.ru

Информационная революция последнего десятилетия, произошедшая в результате развития средств коммуникации и технологий СМИ, сделала общество ещё более управляемым. Небольшими шагами мир приближается к утопической картине тотального манипулирования сознанием населения со стороны МЕДИА. Процессы глобализации как бы подготавливают почву для обильного качественного и количественного роста наднациональных информационных потоков, формирующих поведение населения разных стран.

Обратим внимание на то, какая роль отведена СМИ в контексте контроля над мировой энергетикой. Широко известен тот факт, что львиную долю из числа ведущих мировых компаний, акции которых котируются на бирже, составляет сектор энергетики, конкретно – нефтегазовая отрасль. По итогам 2007 года капитализация 50 наиболее крупных компаний отрасли достигла рекордной суммы в 5 трлн. долл (доля «Газпрома» – 332 млрд.). Однако вместе с этим колоссальным ростом не менее быстрыми темпами прибавляет свою капитализацию рынок СМИ и рекламы (оборот примерно в 500 млрд.). Например, всемирно известный сервис Youtube был создан в 2005 году на несколько миллионов долл., а уже через год был продан за сумму в 1.6 млрд. долл. Он был куплен не нефтегазовой компанией, а другим медиахолдингом – крупнейшие западные компании энергетического сектора на данном этапе предпочитают иметь доли в компаниях, но не официально контролировать рынок СМИ. В этом отличается западный фронт «масс-медиа» от, например, стран Ближнего Востока или России. В основном это отличие лежит не в противостоянии демократическое государство – тоталитарное государство, а в уровне развитости каналов коммуникаций и государственного регулирования этих каналов.

Рассмотрим особенности взаимодействия СМИ-общество в современности. Грубо говоря, СМИ - это не только «информационная начинка» и способ подачи материала, но и канал доставки этой «начинки» до потребителей. Ведь путь, который проходит газета от печатного станка до того места на прилавке, где его заметит потенциальный покупатель, гораздо труднее, чем путь новостного выпуска на спутниковом телеканале до приемника сигнала. Это очень важный фактор, который играет одну из ключевых ролей в выживаемости СМИ и способности шагать в одном темпе с глобализацией. Страны, такие как Иран и Северная Корея, жестко не пускающие на свою территорию «проводников» транснациональные СМИ, испытывают сильнейшее давление со стороны мирового сообщества. Второй особенностью взаимодействия СМИ и общества стало проявление свободы выбора информации, которая является закономерным этапом развития электронных каналов коммуникаций, но на самом деле являющейся практически иллюзорной. На примере того же Youtub'a: в отличие от традиционного телевидения пользователь вроде бы сам выбирает, какие сюжеты он хочет смотреть, однако реально система делает ненавязчивые «подсказки». В китайском секторе Интернета трудятся тысячи специалистов, формирующих положительный имидж руководства страны, западное же информационное поле способно переварить любую «свободу слова» в ту информацию, которая необходима держателям рычагов управления этим полем. Но в итоге весь мир оказывается вовлеченным в потребление национальных или наднациональных СМИ.

Политическое и экономическое влияние Медиа разделять бессмысленно – одно неминуемо влечет за собой другое. На данный момент центры сосредоточения власти совпадают с центрами концентрации энергоресурсов, и в перспективе ситуация вряд ли способна измениться. А значит оружием в борьбе за обладание этими ресурсами, являются и будут являться СМИ. В 2007 году происходил тектонический сдвиг в

медийной промышленности стран запада. Медиамагнатом Рупертом Мердоком (не раз в опросах общественного мнения в США назывался самым влиятельным человеком на планете) был приобретен Dow Jones, способный оказывать влияние на деловой рынок всего глобализированного мира. Канадская компания Thompson Corp поглотила Reuters (сумма сделки около 17 млрд. долл.), создав крупнейшее в мире агентство финансовых новостей. Так западный мир готовится к установлению монополий на рынке информационных услуг. Сейчас становится очевидно, что бороться с «проводниками» информации практически бессмысленно, так как все каналы перекрыть практически невозможно, а необходимо конкурировать на рынке информационных услуг. Но, пуская глобализацию за порог границ своих стран, власти ставят свои национальные СМИ в непростое положение конкуренции с транснациональными гигантами.

Обратимся к отечественным реалиям рынка СМИ. Пока что не приходится говорить о государственном регулировании рынка информации – как правило, в этом нет необходимости. В основном эксперты высказывают обеспокоенность по поводу скупки государственными компаниями распространителей печатных изданий, а также колоссальными средствами, предусмотренными в трехлетнем бюджете для правительственных изданий – 2.9 млрд. руб. Большинство медиа активов сосредоточено у крупных компаний, в основном, естественно, нефтегазового и металлургического сектора. Это касается как федеральных телеканалов, так и локальных печатных изданий, по большей части встроенных в крупные региональные холдинги. Тенденций к укрупнению компаний на рынке СМИ пока не наблюдается. Лидером по суммарной стоимости медиаактивов, разумеется, является ОАО «Газпром». Кроме увеличения своих долей в телерадиокомпаниях в 2007 году он приобрел сайт Rutube, и, по некоторым данным, стал спонсором одной из популярных социальных сетей.

Конкурентным преимуществом национальных отечественных СМИ является низкий уровень развитости каналов информационных коммуникаций, что означает отрезанность большинства населения от транснациональных СМИ. Пока это является преимуществом, однако государство прикладывает усилия для развития системы доступа граждан к всемирному информационному полю.

На международной арене так и не стал пользоваться популярностью российский PR-инструмент - канал Russia-Today. Это подчеркивает низкие конкурентные способности российских компаний нефтегазового сектора контролировать наднациональное информационное поле. Возможно, пока в этом и нет необходимости, но ситуация на нефтегазовом рынке подсказывает, что без применения инструментов воздействия на сознание населения, передел сфер влияния в энергетике практически невозможен.

Модернизация незападных обществ в условиях глобализации (на примере Японии)

Конухов Дмитрий Николаевич

студент

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Факультет

Глобальных Процессов

E-mail: rosselsprung@yandex.ru

Под модернизацией принято понимать процесс обновления общества на основе ассимиляции достижений наиболее развитых, продвинутых в социально-экономическом и политическом отношении стран и регионов. В широком историческом смысле так называют процесс трансформаций и преобразований, отражавших желание преодолеть отставание в индустриальном, научно техническом и социальном отношении.

История показала, что модернизационные процессы протекали успешно и давали положительные результаты тогда и только тогда, когда проводились на основе следующих принципов:

- модернизация есть лишь дополнение, достроение уже существующих структур общества, поэтому должна проходить не стихийно, и централизованно и стимулировано, с заполнением только нуждающихся в этом ниш;
- модернизация не должна сводиться к подражанию или копированию инородных образцов, а должна представлять собой постепенное приспособление инноваций применительно к культурным традициям и специфике того или иного общества;
- общество должно быть подготовлено к модернизации – чем больше специализированных отраслей, уровней, единиц культуры, чем выше активность, чем больше развиты системы морали, религии, искусства, философии, права, тем легче проходит адаптация общества к нововведениям;
- модернизация напрямую зависит от политических условий её проведения: в ситуации господства и подчинения в обществе могут возникать протесты против условий угнетения и колонизации.

Стоит отметить, что всегда велико было различие в понимании и проведении модернизации западных и незападных обществ. Западная цивилизация развивалась исключительно в горизонтальной плоскости, в сторону прогресса. Незападные цивилизации долго не могли ответить тем же по причине своих цивилизационных приоритетов и доминировании вертикального (духовного) вектора развития над горизонтальным. Со временем такой ответ нашелся и был выражен в ускорении социокультурной динамики в плоскостном цивилизационном измерении (включающем в себя экономику, формы организации социума, технологии) при сохранении приоритетности вертикального измерения цивилизации, ее духовной составляющей.

В этом случае модернизационные процессы уменьшают значение частного, локального в социокультурной жизни общества, но при этом модернизация незападных обществ приводит не к абсолютной унификации, а к интерпретации вносимых изменений с учетом национальных социокультурных традиций. Историческое рассмотрение модернизационных процессов в рамках незападных обществ говорит о том, что движение по пути к прогрессу не отменяет цивилизационного разнообразия, не приводит к абсолютному разрушению цивилизационных основ.

Такое гармоничное сочетание глобальных и локальных, универсалистских и уникалистских факторов является типичным для процессов модернизации обществ незападного типа. Заимствование Китаем буддизма из Индии не привело к «индианизации» Китая. Китай адаптировал эту религию под свои цели и задачи, и при этом китайская культура осталась китайской. Заимствование арабами-мусульманами эллинистического наследия так же производилось для достижения чисто утилитарных целей, и элементы инокультуры при вступлении в конфликт с Кораном неизменно проигрывали эту схватку.

Наиболее ярким примером успешной модернизации общества на основе собственной идентичности я считаю реформы, проведенные в Японии во второй половине XIX века, позволившие этой стране совершить огромный скачок из Средневековья в Новое Время.

После заключения договора с США в 1854 были проведены широкомасштабные реформы во всех сферах жизнедеятельности общества. С 1868 началась активная европеизация Японии. Был ликвидирован феодализм, произошли индустриализация и модернизация экономики, было ликвидировано деление на классы, общество отныне стало единым. Также это объединение классов заложило в японцев еще одну важную черту, должно быть даже уже вошедшую в генокод этого народа - социальность. Даже японский иероглиф, означающий слово «человек», правильнее с семантической точки зрения переводить, как «человек, занимающий свою клетку в рамках заданной целостности».

Особенно хочется отметить нравственную основу социального поведения японцев, а особенно ее отличие от европейской. Европейская культура построена на чувстве вины. После совершения греха следует терзание раскаянием. Чтобы избежать, не допустить ощущения вины, европеец старается вести себя нравственно. Точно так же и японец стремится не нарушать этических норм, но совсем по другой причине. В японском обществе с давних времен роль морального сдерживателя играет стыд. Хуже всего для японца оказаться в стыдном положении, подвергнуться осуждению или, того хуже, осмеянию общества. Поэтому японец очень боится нарушать какие-либо моральные нормы, гораздо сильнее, чем европеец пытается избегать мук совести. В качестве общественного «цивилизатора» стыд гораздо эффективнее совести. Этим и объясняется иногда феноменальная дисциплина японцев.

Также большую роль в формировании менталитета японцев сыграли две их основных религии, синтоизм и буддизм. От первой в сознании японцев закрепился фатализм, спокойное подчинение судьбе, от второй – осознание того, что жизнь человека - это путь, который не одолеть без следования определенным принципам, нельзя его пройти, не «преодолев себя», то есть своих слабостей.

Для японцев характерен отказ от личного и интеграция в коллектив. Вместе с этим, некоторые аспекты менталитета японцев сформировались и в период ускоренной модернизации. Каждый японец – активная, суверенная и автономная личность. Развитие у него ассоциируется с прогрессом, а ценность прошлого уступает место ценности будущего, несмотря на любовь японцев к их национальным традициям.

Придерживаясь принципа «западные технологии - восточный дух», Япония за каких-то 30 лет проделала огромный путь развития.

В 1889 была провозглашена Конституция Японии, появился парламент. Началось реформирование армии и флота по западным образцам. Началось широкое образование, и, что самое главное, теперь любой человек мог выбирать любую профессию, и каждая новая для Японии профессия считалась престижной. Японцы с нескрываемым энтузиазмом отправлялись на учебу за рубежом, начинались зарождаться знаменитые японское трудолюбие и усердие.

При поддержке западных держав, таких, как Великобритания и США, и наличии современных армии и флота Япония обеспечила себе господство в Японском и Жёлтом морях, что позволило ей оккупировать Корею и Тайвань, вести в 1890-х годах войны с Китаем, а в 1904—1905 выиграть войну с Россией и получить южный Сахалин.

Этот переход Японии от традиционалистического общества к техногенному был итогом процессов догоняющей модернизации, которые вынуждены осуществлять все традиционалистические общества под давлением техногенной цивилизации. Стоит отметить, что таков был и путь России, которая испытала несколько эпох модернизации, основанных на трансплантации западного опыта, что, в отличии от Японской «версии», заняло гораздо больше времени. Это различие объясняется различием цивилизационных матриц, или исторически сформированных социокультурных традиций, духовного восприятия мира, системы ценностей.

Этнокультурные и межнациональные конфликты: характер и специфика

Куаови Джойс Фиделевна

Студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Факультет глобальных процессов, Москва, Россия

E-mail: alpha_beta_gaga@mail.ru

Цель данной работы - анализ особо острых и актуальных на сегодняшний день и в недалёком прошлом конфликтов, их причин и социально-психологической, а также порой политической подоплёки.

В ходе данной работы помимо теоретической базы вопроса межнациональных и этнокультурных конфликтов, были рассмотрены непосредственно сами конфликты, причём отдельно в странах Европы, в странах 3его мира и на постсоветском пространстве. Подобное разделение помогает лучше почувствовать специфику конфликтов в соответствии со сложившимися в ходе исторического развития различиями, особенностями данных групп стран.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что сегодня система международных отношений находится в глубоком кризисе, решение которого не в последнюю очередь зависит от качества и быстроты разрешения многочисленных этнокультурных и межнациональных конфликтов.

На сегодняшний день политическую карту миру как никогда сложно представить как статичную модель. И дело не только в том, что границы частей этой «мозаики» до сих пор могут меняться, а где-то и вовсе спорны, условны, но и в том, как часто появляются и исчезают, или вспыхивают и угасают, так называемые горячие точки. Как говорится в одной из работ Цыганкова П.А., международный конфликт перестаёт рассматриваться как некое уникальное историческое явление (Цыганков, 2008, с.73).

Оперируя такими, казалось бы, схожими и неоднозначными понятиями как «этнос» и «нация», важно не потерять грани между ними и чётко обозначить своего рода иерархичность в их взаимоотношениях. Нация- это более зрелая форма социально-исторической общности людей, к которой мы обращаемся, скорее, когда речь идёт о географической (территориальной), социально-экономической и политической специфике характера данной общности.

При анализе такого сложного явления, как конфликт, следует придерживаться определённой схемы или, другими словами, следовать определённому алгоритму в рассмотрении таких параметров, как границы конфликта, его контекст и конфликтная ситуация.

Европа на сегодняшний день далеко не так благополучна, как кажется на первый взгляд. На европейском пространстве особое внимание привлекают такие конфликты, как проблема Ольстера (Ирландия), Кипра и самопровозглашённой Турецкой Республики Северного Кипра и, пожалуй, в наибольшей степени, конфликты на Балканах.

Многие азиатские страны в свете своей полиэтничности и многоконфессиональности раздираемы многочисленными внутренними конфликтами. Примером тому может послужить противостояние мусульман-суннитов и христиан на Молуккских островах в Индонезии или сепаратистская борьба тамиллов на Шри-Ланке.

Африканский континент долгие годы является одной из самых «горячих» частей света. Многочисленные межэтнические и межнациональные конфликты, подкреплённые проблемами голода, болезней (в особенности СПИДа), нищеты и так далее, поднимают вопрос развития африканских стран до уровня глобальной проблемы человечества.

В конце 80х – начале 90х годов XX века (то есть близко ко времени распада СССР и после него) развитие конфликтов на советском, а затем уже постсоветском, пространстве, достигло своего апогея. Многие из данных конфликтов до сих пор не утратили актуальности, то есть не были погашены и решены до конца, например сецессионные претензии Приднестровья в Молдове.

На сегодняшний день приходится принять как факт остроту и крайне важную роль этнокультурных и межнациональных конфликтов в мире. Смело можно сказать, что, по всей видимости, современная система международных отношений переживает кризис, и сложно дать прогноз тому, когда кризис этот исчерпает себя. Ещё сложнее выделить наиболее продуктивные и действенные методы его решения.

Подходя к рассмотрению того или иного конфликта нужно изначально обозначить ряд первоочередных задач. Во-первых, необходимо чётко проследить ход предшествовавших исторических событий, из которых вытекают противоречия и на основе которых назревает противостояние. Во-вторых, нужно как можно более точно выявить истинный предмет спора. Часто конфликт, называемый межэтническим или межнациональным, имеет под собой основания, далёкие от вопроса столкновения ценностей отдельных этнических групп. Надо признать, что подоплёка часто носит чисто экономический, политический, а порой и криминальный характер.

Только при таком комплексном и всестороннем подходе путь к решению конфликта становится менее тернистым и более ясным.

Литература

1. Артановский С.Н. (1979) Проблема этноцентризма, этнического своеобразия культур и межэтнических отношений // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л.: Наука.
2. Арутюнов С.А. (1989) Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М.
3. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. (1998) Этносоциология. М.: Аспект Пресс.
4. Гидденс Э. (1999) Социология. М.: УРСС.
5. Голунов С. (2001) Формирование региональной этнической политики // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, N39.
6. Левкович В.П., Андрущак И.Б. (1995) Этноцентризм как социально-психологический феномен // Психологический журнал, №2.
7. Оболонский А.В. (1995) Межнациональные конфликты // В сб.: Юридическая конфликтология / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Институт государства и права РАН.
8. Скакунов Э.И. (1995) Международный конфликт // В сб.: Юридическая конфликтология / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Институт государства и права РАН.
9. Скакунов Э.И. (1995) Международно-правовые процедуры // В сб.: Юридическая конфликтология / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Институт государства и права РАН.
10. Солдатова Г.У. (1998) Межэтническая напряжённость как социально-психологический феномен // Психология межэтнической напряжённости. М.: Смысл.
11. Стефаненко Т.Г. (1999) Этнические конфликты – причина возникновения и способы урегулирования // Этнопсихология. М.: Академический проект.
12. Тишков В.А. (1998) Забыть о нации. (Пост-националистическое понимание национализма) // Вопросы философии, №9.
13. Цыганков П.А., Дробот Г.А., Лебедева М.М. и др. (2008) Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации / Под ред. Цыганкова П.А. М.: Альфа-М: ИНФРА-М.
14. www.iea.ras.ru (Институт Этнологии и Антропологии РАН).

Геополитические проблемы средней Азии в условиях дефицита водных ресурсов

Кузиев Комил Файзиевич

Молодой ученый

Национальная Университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан

E-mail: ceep@yandex.ru

Систематически каждый год зимой и летом повторяется конфликтная ситуация между государствами Центральной Азии, связанная с перераспределением и использованием водных ресурсов. Зимой из Токтогульского водохранилища, где расположена самая крупная в Киргизской Республике Токтогульская ГЭС осуществляется пропуск воды восходящем объеме, с целью получения электроэнергии, а летом с целью накопления воды пропуски существенно уменьшаются. Такой подход в использовании и распределении водных ресурсов реки Нарын воспринимается негативно Узбекистаном и Казахстаном, которые используют эту воду с целью орошения хлопчатника, риса, и других растениеводческих культур в вегетационном периоде. Из-за увеличения пропуска воды каждый год сотни гектаров земли в Узбекистане и Казахстане остаются под водой и самое главное возникает угроза затопления Кызылординской области Казахстана в связи с приливом воды Чардаринского водохранилища, расположенного на границе между Узбекистаном и Казахстаном.

В Средней Азии наблюдается четкая зависимость всех стран от использования трансграничных коммуникаций (все страны не имеют выхода к морю), крайне ограничены запасы водных ресурсов. Экологическая замкнутость бассейна выдвигает необходимость безотлагательного начала взаимодействия во всех сферах, с использованием выгод от кооперированного использования объединенного потенциала региона. Чем быстрее сформируется такое понимание, тем скорее появится объективная оценка нецелесообразности субъективного подхода в использовании природных ресурсов. Тем более в регионе существует проблема высыхания Аральского моря, которая имеет необратимые социально-экономические и экологические последствия глобального масштаба.

Бассейн Аральского моря в Средней Азии занимает 2,2 миллиона кв.км, а общая численность населения составляет 44 миллиона человек (Республика Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Южный Казахстан). Сырдарья является одной из двух крупных рек бассейн Аральского моря. Она образуется от слияния двух основных притоков Нарына и Карадарья. Эти основные притоки берут воды на территории Республике Кыргызстан. Общая протяженность Сырдарья - 2200 км. Среднегодовой сток в 30 млрд. кубических метров (в пределах от 15 млрд. до 40 млрд. кубических метров). На реке Нарын существуют многоцелевые водохранилища с выработкой гидроэлектроэнергии стране, расположены преимущественно вверх по течению. Между тем Карадарья и Сырдарья имеют разветвленную ирригационную инфраструктуру вниз по течению.

Другая река - Амударья формируется путем слияния двух основных (Вахш и Пяндж) и несколько маленьких притоков. Основной приток - Вахш берет начало на Памирских горах, а вторая приток - Пяндж с северной горной части Афганистана. Общая протяженность реки Амударья - 2450 км., среднегодовой сток 70 млрд. кубических метров (в пределах от 40 млрд. до 85 млрд. кубических метров). Она протекает через территории Афганистана, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана.

Особенности гидрогеографии Центральной Азии заключаются в том, что водные ресурсы региона распределены крайне неравномерно. Основные гидроресурсы приходятся на юго-восточную часть региона. Маловодные и безводные пространства занимают в регионе огромную площадь, именно для своевременной и полноценной транспортировки водных ресурсов (и в первую очередь для исключения любых конфликтов на почве водопользования) в бывшем СССР, в свое время, создавали и

совершенствовали систему водоснабжения. А после его распада, все "водные диспропорции" сразу же вылезли наружу. Первым "возмутителем спокойствия" стала Киргизия, когда Узбекистан, самый крупный потребитель воды в регионе, за долги оставил ее зимой без газа. Затем свои права на воду стал активно предъявлять и Казахстан.

Сегодня проблемы водопользования являются одними из основных факторов возникновения конфликтов между центральноазиатскими странами. Более быстрое развитие водоемких производств (цветной металлургии, химической и нефтехимической промышленности, промышленности строительных материалов, хлопководства и рисоводства) в условиях усиления аридности климата привело к обострению межгосударственных отношений в Средней Азии.

Поэтому необходимо глубоко исследовать регионально-экономические аспекты взаимосвязи водных и энергетических ресурсов в регионе. Здесь аналогично появиться вопрос каковы запасы водных ресурсов в регионе.

Запасы воды в озерах горной территории бассейна Амударьи⁴ составляют 46 куб. км., Сыдарьи - 4 куб. км. Объем воды в озерах равнинной территории без учета Аральского моря составляет около 70 куб. км. Объем льда в ледниках Гиссаро –Алая оценивается в 88 куб. км., в ледниках Памиро-Алая - 465 куб. км.

Хотя запасы водных ресурсов не так велики, как в некоторых регионах России, но есть возможности обеспечения спроса, при оптимальной реорганизации водного хозяйства центральноазиатских государств. Считаем, что стратегия реорганизации водных хозяйств должны включать следующее:

- перестройку и переориентацию стратегии развития хозяйств на эффективное использование имеющихся водных ресурсов;
 - повышение уровня механизации и автоматизации водораспределения в бассейнах рек и ирригационных районах;
- ориентация всех стран на жесткие нормы водосбережения, которые соответствуют современным техническим достижениям и экономически возможным уровням водопользования в целом по бассейну, ориентирующимся на предельно допустимый с позиций природных ограничений уровень объема водоотбора в регионе не более 78-82 куб. км. в год, распределение этого жесткого лимита воды между странами и соответствующие возможности его сочетания с экономическими механизмами.

Литература.

1. Зюзик Д.Т. Экономика водного хозяйства. – М.: Колос, 1973. – 398с.
2. Львович М.И. Мировые водные ресурсы и их будущее. - М., 1974. 447с.
3. Мирзаев С.Ш., Эргашев А.Э. Концептуальная основа вводно-экологических взаимоотношений в бассейне Аральского моря. Сб. Проблемы Аральского моря. Ташкент. 1998, 37-39с.

⁴ Первое национальное сообщение Республики Узбекистан по РКИК/ ООН

Правовые основы вступления России в ВТО

Макогоренко Ирина Владимировна

студентка

*Факультет глобальных процессов Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация*

E-mail: irichka13@mail.ru

Всемирная торговая организация – одна из самых значимых экономических организаций мира. Ее влияние на мировую экономику довольно велико, поэтому страны либо стремятся стать ее членом, либо уже ими являются. Несомненно, членство в этой организации дает реальную возможность полноправного участия государств в мировой торговле и международной экономике.

Правовые документы, принятые обязательными для всех членов ВТО, охватывают сферы торговли товарами, услугами и вопросы прав интеллектуальной собственности. Для того, чтобы стать членом организации, необходимо принять все соглашения без каких – либо исключений.

Как известно, Россия, одна из тех стран, которые стоят на пороге вступления во Всемирную торговую организацию.

Российская делегация в настоящее время ведет переговоры по четырем направлениям, касающимся процесса присоединения к данной организации.

Целью переговоров по тарифным вопросам является выявление максимального уровня ставок ввозных таможенных пошлин.

Что касается сельскохозяйственной проблематики, обсуждаются, помимо тарифного аспекта, допустимые объемы внутренней государственной поддержки аграрного сектора.

Основная цель переговоров по доступу на рынок услуг это достижение консенсуса в сфере доступа иностранных услуг и поставок услуг на российский рынок.

Переговоры по системным вопросам определяют границы допустимых мер, которые необходимо предпринять России в области законодательства для выполнения своих обязательств как участника организации.

Существует множество мнений по поводу вступления России в ВТО. Некоторые ученые и политики считают этот шаг - единственно верным и рациональным, другие же, выделяя недостатки, говорят о неготовности принятия такого решения.

Таким образом, целью данной работы является выявление процессов, вызванных вхождением стран в ВТО, их анализ и сопоставление, определение наиболее благоприятных путей и условий присоединения России к данной организации. Для более глубокого понимания проблемы в работе были затронуты исторические основы ВТО, ее цели и принципы, рассмотрены основные этапы присоединения к организации, а так же цели и задачи участия в ней России.

Литература.

1. ВТО: право и система: учебное пособие. Шумилов В.М. - Издательство «ТК Велби», 2006г.
2. Международное экономическое право. Д.Карро, П.Жюйар. – издательство «Международные отношения», 2002г.
3. Международное право. И.И.Лукашук. – М.: Издательство БЕК, 2001г.
4. Основы торговой политики и правила ВТО. – М.: международные отношения, 2006г.
5. Экономика: учебник. Под ред. доц. А.С. Булатова. 10 изд. – М.: Издательство БЕК, 2002г.
6. Материалы круглого стола «Присоединение России к ВТО».
7. Российский информационный сайт Всемирной торговой организации (ВТО)
www.wto.ru
8. Официальный сайт «Федеральной службы государственной статистики» www.gks.ru

Белорусская модель постсоветской этнополитической трансформации:

общее и особенное

Подольская Анастасия Олеговна

магистрант

Белорусский государственный экономический университет,

Институт социально-гуманитарного образования, Минск, Беларусь

E-mail: gantiady1979@yahoo.com

Становление новых независимых государств на постсоветском пространстве сопровождалось заменой советских идеологизированных теоретико-методологических установок в исследовании этнополитических трансформаций подходами западного нациеведения. Однако, имеющийся опыт верификации теорий зарубежных авторов (историков, социологов, политологов и т.д.) по проблеме этнонационализма на эмпирическом материале республик экс-СССР, в основном, не дает положительных результатов. Да и «надо обладать, пожалуй, избыточной смелостью, чтобы экстраполировать на постсоветскую действительность интерпретации процессов и явлений, весьма далеких от нее в ряде существеннейших цивилизационно-исторических отношений» [Буховец 2005: 139]. Конечно, с одной стороны, важное методологическое значение имеет поиск общих типологических свойств этнополитической трансформации в мировом контексте. Но, с другой стороны, необходимо обращаться и к национальной истории, к национальным архетипам, чтобы раскрыть то особенное и неповторимое, что отличает народы-представителей республик экс-СССР от народов дальнего зарубежья. В то же время очевидно, что даже на постсоветском пространстве не существует единой модели этнополитической трансформации. Непродолжительная история постсоветского мира уже продемонстрировала, что каждое новое независимое государство по-своему формирует и пытается претворить в жизнь собственный путь создания нации. Республика Беларусь может служить ярким примером сочетания общего и неповторимого в процессе становления белорусской нации. «В Белоруссии есть всё, что есть и в других странах, но здесь своя и неповторимая комбинация разных факторов» [Буховец 1998: 202]. В нашем исследовании мы рассматриваем следующие вопросы. Во-первых, в какой мере завершен в Республике Беларусь процесс становления нации?.. Во-вторых, *притягателен ли* образ Беларуси на постсоветском пространстве: *для кого и насколько?*..

«Эпоха перемен» к. XX века поставила перед историками, социологами, политологами и т.д. широкий круг проблем: от концептуализации знаний и обоснования методов анализа трансформаций до разработки конкретных мероприятий по защите интересов этнонациональных общностей. Построение национального государства оказалось куда более трудоемким процессом, чем это представлялось в период «суверенизации» союзных республик в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Вместе с тем, ошибочным является *усреднение* и равномерное «распределение» этих трудностей по новым независимым государствам СНГ и Балтии, которое практикуется многими авторами. Так, например, известный российский этнолог В.А. Тишков утверждает: «Ни одно из новых государств за пределами России не смогло пока одержать верх над силами радикального этнического национализма..., не пересмотрело в спешке принятые в начале 90-ых годов основные законы... в сторону признания официального двуязычия, и *русский язык остается «наказанным языком»...* (выделено мною. – А.П.)» [Тишков 2001: 136]. Конечно, нельзя не согласиться с тем, что в большинстве новых независимых стран на постсоветском пространстве в сознании правящей элиты и «прозападно» настроенной интеллигенции возобладали этницистские установки. Но в то же время, хотелось бы подчеркнуть, что и массовое сознание и государственная национальная политика в Республике Беларусь направлены на бесконфликтное разрешение межэтнических проблем. Бесспорно, и в ней имеют место некоторые противоречия этого рода, и даже конфликтные ситуации. Но попытки оппозиционных общественно-политических сил, направленные на националистическую мобилизацию белорусов, не поддерживаются

подавляющим большинством граждан страны. Очевидно, что и исторический факт придания русскому языку в Республике Беларусь статуса государственного по итогам майского референдума 1995 года Тишковым также не учтен. Еще в начале 1990-х гг. (и позднее) некоторые ученые призывали научное сообщество отрешиться от «архетипической» внешней неброскости Беларуси», делающей ее неинтересным объектом исследований. [Буховец 1993: 32-33; 1994: 169-170; 2000: 6]. В своих работах, основанных на статистических данных Республики Беларусь, характеризующих неуклонное увеличение значений макроэкономических показателей и внешнюю миграцию населения, О.Г. Буховец подчеркивает экономическую и политическую специфику развития, которая образует «белорусскую модель» постсоветской этнополитической трансформации.

На сегодняшний день мы с уверенностью можем утверждать: процесс становления нации-государства в Республике Беларусь завершается. «...Пришло время воспринимать белорусскую трансформационную модель не как какую-то *тупиковую альтернативу* евроатлантической «нормативности», а как *вариант нормы*» [Буховец 2007: 5].

Своеобразным барометром притягательного образа Беларуси является сальдо внешней миграции, этнический состав иммигрантов, их возраст и уровень образования. По данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь за период 1992-2006 гг. сальдо внешней миграции со странами СНГ и Балтии было для Беларуси устойчиво положительным. Среди прибывших в нашу страну наибольший совокупный удельный вес составляют русские и украинцы, которые по-прежнему воспринимают ее в качестве составной части восточнославянского «суперэтнуса». Миграционный поток из стран Закавказья более чем на три четверти состоит из представителей неславянских национальностей (75,8 %), что, по всей очевидности, также указывает на толерантность и невысокий уровень конфликтности белорусской нации. Среди иммигрантов преобладают лица трудоспособного возраста (65%). При этом 17-23,6% от прибывших на постоянное место жительства в Республику Беларусь – специалисты с высшим образованием. Данные факты свидетельствуют о том, что наша страна привлекает «качественных» мигрантов. С их точки зрения, складывающийся в Беларуси «социальный порядок... вполне удовлетворителен для постсоветского пространства» [Буховец 2007: 8].

Литература

1. Буховец, О.Г. О временных ресурсах постсоветского этнонационализма // Политические исследования. 2005. №2. СС. 138-146.
2. Буховец, О.Г. Электоральное поведение белорусских регионов. // Мир, прогресс, права человека. Белоруссия и Россия: общества и государства. 1998. Выпуск 2. СС. 184-225.
3. Тишков, В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. – М.: Наука. 2001. – 240 с.
4. Buchowjez, Oleg. Die belorussische Idée in Vergangenheit und Gegenwart: Vom “Aschenputtel” zur “Prinzessin”? // Nationalismusformen und Entwicklungsdynamiken nationalistischer Konflikte in den jungen Staaten der GUS. Teil 1: Kaukasusregion, Balarus, Ukraine. – Berlin. – 1993.
5. Буховец, О.Г. Судьба «белорусской идеи»: из Золушек – в принцессы? // Дружба народов. 1994. №7. СС. 169 – 177.
6. Буховец, О.Г. Постсоветское «великое переселение народов»: Россия, Беларусь, Украина и другие. Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 11.- М.: АИРО, 2000. – 72 с.
7. Шимов, В.Н., Буховец, О.Г. и др. Многовекторная внешнеэкономическая политика Беларуси в контексте стратегии устойчивого развития // Белорусский экономический журнал. 2007. №4. СС. 4 – 21.

Дисбаланс «территория-население» как фактор дестабилизации общества (на примере Сибири)

Осипова Татьяна Юрьевна⁵

студентка

Томский государственный университет, Томск, Россия

E-mail: tanyablink@yandex.ru

Введение

Выявляя причины, сдерживающие переход России на путь устойчивого развития, ряд ученых обращают внимание на дисбалансы разного рода в сферах экономики, экологии, социальных отношений, которые заставляют говорить скорее об обществе риска, «рискогенном обществе», нежели о стабильном сбалансированном развитии.

Понятие риска – одно из самых широко применяемых в текущей литературе. Риск представляет собой одну из фундаментальных категорий междисциплинарной природы. Особый интерес к категории риска стимулируется взрывоопасным ростом проблематики безопасности.

Основы концепции, изучающей риски, были заложены западными мыслителями У. Бемом, Э. Гидденсом и др. Применительно к российской ситуации отечественным социологом и социальным философом О.Н. Яницким [1] разработана концепция «всеобщего риска». Согласно данной теории, в нашем обществе риски распространены повсеместно. Россия представляет собой рискогенное общество, в котором опасности природного и техногенного происхождения, порожденные современным уровнем развития цивилизации, соединяются с рисками и опасностями социогенного характера. Общество риска нестабильно в социальном, политическом, экономическом и других отношениях.

Исследователи выделяют несколько групп причин, по которым Россию следует отнести к обществу риска. Среди социальных причин обсуждаются слом существующего социального порядка, сокращение среднего класса, утеря трудовой этики, тотальное недоверие государству, сопротивление переменам; в ряду политических – разрушение государства, превращение его в механизм, обслуживающий корпоративные интересы территории страны с учетом потребностей национальной экономики.

В настоящем докладе обращается внимание на геополитические дисбалансы как факторы «рискогенности» российского общества.

Сибирский макрорегион (Западная, Восточная Сибирь, Дальний Восток) занимает особое положение в России. Это главный ее форпост на востоке, “мост” между Европой, Азией и Америкой. Это основная часть (две трети) территории Российской Федерации, на которой сосредоточены ее основные энергетические и сырьевые ресурсы, но проживает лишь пятая часть населения страны. На территории Сибири (10,2 миллионов квадратных километров) проживает 25 миллионов человек. При этом численность населения медленно, но сокращается, противоречие между обширными территориями и природными ресурсами, с одной стороны, и населением и трудовыми, интеллектуальными ресурсами, с другой, обостряется. Совсем рядом – стремительно развивающийся Китай: практически на такой же площади (9,6 миллиона квадратных километров) население в 50 раз больше!

Ввоз китайских товаров, капитала, рабочей силы, миграционные процессы, совместные российско-китайские геологоразведочные проекты – так проявила себя китайская сторона на территориях Сибири за последнее десятилетие. Заготовка и переработка сибирского леса китайской стороной, проект строительства канала у истоков трансграничной реки Иртыш, чтобы направить значительную часть воды в западный Китай порождают риски нехватки ресурсов, в том числе питьевой воды. Ситуация усугубляется демографическими проблемами в Сибири, снижением трудового потенциала ее населения. Социальные (коренное население Сибири остается без работы),

экологические (обмеление Иртыша в регионе, пылевые бури в местах вырубок), экономические последствия подобных проектов не заставят себя долго ждать. Вместе с тем идея устойчивого развития предполагает прежде всего переход к равновесному природопользованию, обеспечивающему сбалансированность потребления и воспроизводства природных ресурсов.

Замечательный российский ученый, внесший огромный вклад в продвижение идей устойчивого развития в России, В.А.Коптюг, полагал, что «...на громадных евроазиатских пространствах с их уникальными природными, материальными, людскими и духовными ресурсами создаются исключительные возможности эффективно использовать накопленный интеллектуальный и технологический потенциал Европы, Америки и Азии». Это предвидение ученого сбудется, если тенденция сотрудничества на основе принципов устойчивого развития возобладает над тенденцией столкновения стран и регионов в борьбе за ресурсы.

Литература

1. Костюк В.Г. Народы Сибири в современной геополитике // Гуманитарные науки в Сибири. №1. 1998
2. Яницкий О.Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции. – Общественные науки и современность. - 2004. –№2. – С.5-15.
3. Коптюг В.А. Избранные труды. Т.4. Информатика. Экология. Устойчивое развитие. – М., Наука. – 2006. – 503 с.

Глобализация: мировые интеграционные процессы и СНГ

Рзаев Огтай Алиусиф оглы⁶

диссертант

Научно-Исследовательский Институт по Правам Человека Национальной Академии

Наук Азербайджана, «Международные отношения и политические проблемы

глобального развития», Баку, Азербайджан

E-mail: o-a-r@mail.ru

Введение

За последние десятилетия в мире активизировались интеграционные процессы, развивающиеся в разных регионах и охватывающие различные сферы отношений государств. Важную роль в развитии этих процессов играют международные организации, которые содействуют сотрудничеству государств в сфере осуществления ими суверенных прав. Объединение стран на различных принципах наблюдается во многих уголках мира, наибольшей зрелости этот процесс достиг в группе развитых стран с рыночной экономикой. Как правило, он носит региональный характер, но различается по характеру и глубине интеграции.

Судьба СНГ может сложиться по-разному. Для создания прочного и эффективного союза необходимо постепенное налаживание утерянного чувства взаимовыручки и желание строить свое будущее вместе, через интеграцию и взаимозависимость.

На данном этапе оказываются более реализуемые двусторонние и субрегиональные отношения стран СНГ на постсоветском пространстве, чем многосторонние связи. Так, сложились субрегиональные интеграционные группировки наиболее близких по многим жизненно важным интересам стран СНГ (таможенный союз, союз России и Беларуси, центрально-азиатское экономическое сообщество, организация ГУАМ и т. д.)

Методы

Соотношение между основными интегрирующими и дезинтегрирующими факторами на пространстве СНГ не является постоянной величиной. Оно меняется во времени в ту или иную сторону. Интегрирующие экономические факторы в перспективе будут превалировать в силу объективных выгод интеграционного сотрудничества стран СНГ вследствие их территориальной близости и исторических традиций партнерства между ними. Действие дезинтегрирующих экономических факторов будут ослабевать по мере преодоления кризисных явлений и завершения рыночных преобразований в них.

Ближайшие задачи отдельных партнеров по СНГ заключаются в отработке эффективных организационно - правовых и экономических механизмов региональной интеграции. Целесообразно при этом творчески использовать опыт различных региональных объединений мира, особенно Европейского Союза, с его адаптацией стран постсоветского пространства.

Результаты

Сопоставление путей развития ЕС и СНГ представляет собой трудную задачу, хотя бы из-за того, что ЕС шел к интеграции постепенно, строя институты, право, инфраструктуру. Западноевропейская интеграция отличается тремя особенностями: во первых, ЕС прошли путь от общего рынка угля и стали шести стран до интегрированного хозяйственного комплекса и политического союза 25 государств; во вторых институциональная структура ЕС приближена к структуре государств и включает следующие органы: Европейский совет, совет министров - законодательный орган, Комиссии ЕС - исполнительный орган; Европейский парламент - консультативный орган, контролирует деятельность КЕС и Совета Министров, утверждает бюджет ЕС; Суд ЕС орган надзора за соблюдением правовых норм; Экономический и социальный комитет -

⁶ Автор выражает признательность профессору, д.п.н. Абдуллаеву В.И. за помощь в подготовке тезисов.

консультативный орган в составе представителей предпринимателей, профсоюзов и т. д. в третьих, материальной основой интеграционного процесса служат многочисленные совместные фонды, часть которых сформирована за счет общего бюджета ЕС.

Интеграция часто ассоциируется с процессом сближения следующих элементов:

1. Объектов сотрудничества (здесь затрагивается область хозяйственной деятельности, например, в сельском хозяйстве, промышленности туризма, транспорте, банковской, страховой сфере и т.д.);
2. Субъектов этого сотрудничества (имеется в виду организационные формы - совместные предприятия, картелы и синдикаты, транснациональные корпорации, финансово - промышленные группы);
3. правовых основ (международные соглашения, национальное право).

В процессе интеграции выделяются два уровня:

Микроуровень - объединение осуществляется за счет концентрации и переплетения капиталов; макроуровень - согласованием межгосударственной политики. Эти уровни интеграции тесно взаимосвязаны между собой.

Будущее этого сотрудничества предопределяется, прежде всего, объективными социально-экономическими и политическими условиями в странах постсоветского пространства, а также международными правовыми актами, принимаемыми на многостороннем и двустороннем уровнях. Проблемы постсоветского межгосударственного образования совершенно иные, чем в СССР. Теперь требуется решать сложные задачи по формированию взаимно приемлемого сотрудничества в рыночных отношениях вне единого государства. Создание интеграционного объединения представляется возможным только на принципах суверенного равенства бывших союзных республик.

Литературы

1. Медведев Г. Глобализация экономики: тенденции и противоречия. *Мировая экономика и международные отношения*, 2004, №2, с.6
2. Загладин Н. Глобализация: вызовы структуре миропорядка. *Мировая экономика и международные отношения*, 2002, №9, с.10
3. Кортунув С. Становление нового мирового порядка. *Международная жизнь*, 2002, №6, с.89
4. Цыганков А.П. Теория международных отношений, М., 2002, с.429
5. Косолапов, Формирование глобального миропорядка и Россия. *Мировая экономика и международные отношения*, 2004, №11
6. Холодоковский К. Вызовы глобализации (внутриполитический объект) *Мировая экономика и международные отношения*, 2002, №9, с.13

Политизация ислама в рамках глобализации современного мира

Розанов Александр Сергеевич

студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: mcrosan@rambler.ru

Сегодня в большинстве мусульманских стран с выходом на политическую арену социальных групп, чья жизнь оказалась дезориентирована, нарушена в результате модернизации, быстрых социальных и общественных перемен, связано явление политизации ислама. Это — своего рода радикальный ответ мусульманского мира на вызовы, рождаемые современным развитием. Этому феномену способствовали периоды социальных и политических кризисов, внутренней и международной нестабильности, когда экономические трудности, политические потрясения, идеологическая путаница работали в пользу лозунгов «обновленного», «очищенного от западной скверны» исламского общества, а ислам превращался в наиболее доступный и приемлемый способ обретения национальной идентичности. Политизации ислама способствовала и сложившаяся в большинстве государств исламского мира политическая атмосфера: они отстают в создании структур гражданского общества, утверждении демократических прав и свобод. Гарантами стабильности во многих странах является армия с присущим ей специфическим пониманием демократии и прав человека; диктаторские и авторитарные режимы остаются главной политической приметой мусульманского мира. В условиях отсутствия, подавления или запрета политической оппозиции, партий, профсоюзов, массовых политических организаций, попрания гражданских свобод — мечеть, религиозно-политические и националистические объединения и движения становятся единственно доступной формой противостояния власти.

К числу обстоятельств, благоприятствующих превращению ислама в политическое оружие, относится и то, что мусульманский истеблишмент в политических структурах стран Азии и Африки — одна из немногих сравнительно независимых и сильных «групп давления». Она устанавливает нормы поведения, которым должны следовать общество и государственные руководители, ответственные за принятие решений. Возвращая общество к истокам, традициям, в том числе и религиозным, идеологи политического ислама утверждают таким способом культурную самобытность, противопоставляют «превосходящие духовные ценности» Востока, занятого «поисками бога», Западу, погрязшему в материализме. В движениях, вдохновляемых идеями политического ислама, ощущается стремление очистить мусульманское общество от западной «скверны», создать новую модель, противостоящую «глобальной системе империализма», которую поддерживают «богатые в богатых странах совместно с богатыми в бедных странах». «Мир ислама» не допускает (в теории) разграничения между божественной и светской властью. И хотя де-факто в большинстве стран традиционного распространения ислама произошло отделение религии от политики, формально оно не признано и отвергается мусульманским духовенством, улемами, авторитет и влияние которых очень велики.

Политизация ислама и рост экстремизма среди мусульманских народов объясняется тем, что современное мусульманское общество утратило свой первоначальный истинно исламский характер. Сегодня ислам во всё большей степени превращается в политическую доктрину. Подкреплять свою внутреннюю и внешнюю политику догмами религии старается подавляющее большинство правящих режимов стран Востока. Сотрудничающие с государством религиозные деятели отыскивают развёрнутые догматические обоснования политических лозунгов.

Перенесение во внешнеполитическую сферу основных постулатов политического экстремизма приводит к весьма серьёзным последствиям, чреватым резким обострением международной обстановки и опасными мировыми конфликтами. Это воздействие осуществляется на двух уровнях. С одной стороны, это полулегальные экстремистские

организации, подпольные террористические группы, а с другой - государственная политика некоторых стран, осуществляющих вмешательство в дела других государств.

С момента своего возникновения ислам был государственной религией. И, несмотря на изначальную политизированность ислама, не во всех мусульманских странах такая политизация носит радикальный характер. Причиной радикализации, по моему мнению, является длительный политический, экономический кризис, который подталкивает людей к поиску альтернативы и такой альтернативой в мусульманских странах чаще всего становится «исламская альтернатива», всё более артикулированная среди части общества.

Власть и государство для мусульман – понятия почти религиозные, так как в идеале они должны быть сведены к теократии, не знающей разделения светского и духовного начал.

По моему мнению, правомерность термина «политический ислам» всё-таки сомнительна по той причине, что если есть такое явление как «политический ислам», то по логике должен быть и «неполитический ислам», но такого понятия не существует. Следовательно, уместно ли говорить в этом случае об усилении процесса политизации ислама именно в современном мире, в то время как уже с момента своего возникновения ислам был неразрывно связан с политикой?!

Литература

1. Шевченко М.М. Ислам и современность. - М., 2001.
2. Поляков К.И. Арабские страны и ислам в России. – М., 2001 г.
3. Малашенко А. В. Исламская альтернатива и исламистский проект. - М., 2006.
4. Кудряшова И.В. Исламская цивилизационная доминанта и современное развитие мусульманских политий. – «Политическая наука: новые направления», 2003 , №2.
5. Кудряшова И.В. Фундаментализм в пространстве современного мира. – «ПОЛИС», 2002, №1.
6. Robinson A. Bin Laden. Behind the Mask of the Terrorist. –New Delhi, 2001.
7. www.islamcivil.ru (Информационный портал «Исламская цивилизация»).

Переселение народов Северного Кавказа в Турцию в середине XIX века⁷

Сичкарь Александр Владимирович

аспирант

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. К.Л. Хетагурова при Правительстве республики Северная Осетия – Алания,
Владикавказского научного центра РАН, Владикавказ, Россия*

E-mail: Arssenn26@mail.ru

Введение

В российской исторической науке тема российско-кавказских взаимоотношений, особенно Кавказской войны и последовавшего массового переселения народов Северного Кавказа в Османскую империю продолжает оставаться наиболее сложной, противоречивой и актуальной. Это вызвано как большим интересом современников к изучению истории Северного Кавказа, так и многообразием укоренившихся концептуальных подходов, сохраняющих острую дискуссионность проблематики.

Любая миграция населения – явление, калейдоскопически меняющее этнический облик человечества. На различных этапах исторического развития тех или иных цивилизаций можно проследить конвергентные процессы, в результате которых огромные людские массивы устремлялись, в силу различных причин, осваивать новые территории. Однако, переселение горцев Северного Кавказа с их исторической родины в Турцию после окончания Кавказской войны приняло характер вынужденного массового исхода. В наши дни в историческом знании все более четко проявляется интерес к проблемам этнических миграций. Происходит накопление опыта систематического исследования их причин и последствий. В этом плане обращение к такому масштабному и во многом трагическому явлению, как «добровольно-принудительная» эмиграция народов Северного Кавказа в середине XIX века в Османскую империю способно обогатить складывающиеся исследовательские подходы.

Научная разработка темы исследования обусловлена необходимостью объективного освещения истории сложных и противоречивых взаимоотношений Российской империи с народами Северного Кавказа. Актуальность исследования заключается в необходимости глубинного изучения исторической, политической, экономической, международной и этнопсихологической природы процесса вынужденного переселения горцев.

Драматическая история этого явления нуждается в более углубленном постижении его смысла, содержания, причинных механизмов и т.д. Необходимой представляется объективная оценка причин и последствий движения мухаджирства (с араб. переселения) в рассматриваемый период. Современная политическая конъюнктура в стране открывает широкие возможности для более объективного исследования проблем северокавказского мухаджирства.

Разработка данной проблемы важна и в связи с тем, что в исторической науке еще нет исследований, которые бы без идеологических штампов – великодержавных, охранительно-ограничительных, односторонних концепций и оценок, которыми грешили многие авторы XIX века и советского периода, показывали бы процесс переселения горцев Северного Кавказа в Турцию.

Изучение процесса переселения северокавказских горцев в Османскую империю в середине XIX века несомненно представляет большой интерес как в научно-теоретическом, так и в практическом плане. Целостное освещение данной проблемы будет способствовать правильному пониманию сущности многолетней Кавказской войны и ее последствий, а так же противоречивой роли царизма в судьбе автохтонных народов Северного Кавказа, вошедших в соприкосновение с Российской империей, повлекшее за собой коренное изменение традиционного образа жизни.

⁷ Тезисы доклада основаны на материалах исследования, проведенного в рамках написания кандидатской диссертации.

Результаты

1. Решение внешнеполитических проблем Россией, в ходе Кавказской войны, привело к массовому переселению горских народов в Османскую империю. Царизм в своих действиях на Северо-Западном Кавказе исходил из соображений обеспечения своих долгосрочных стратегических интересов, ни на минуту не забывая о главной своей цели – полном политическом, экономическом и военном контроле восточного побережья Черного моря.

2. Исходя из собственных интересов, царизм не препятствовал складыванию идеи массового переселения горцев Северо-Западного Кавказа в Османскую Турцию.

3. Отсутствие спланированной Царизмом программы «геноцида» народов Северо-Западного Кавказа.

4. Активное участие турецких и западных эмиссаров, преследовавших свои собственные цели, привело к массовому переселению в единоверную Турцию.

5. Мухаджирство горцев не было связано исключительно с религиозными убеждениями. На Северном Кавказе к рассматриваемому периоду ислам не везде прочно укрепился, оставались народы, не исповедовавшие массово ислама, но все равно переселившиеся в Османскую империю.

6. В переселении горцев ключевую роль сыграли причины социально-экономического, политического, религиозного и психологического характера.

7. Схожий во многом процесс переселения горцев Северного Кавказа вылился в совершенно различные формы у разных народов.

Литература

1. Касумов А.Х., Касумов Х.А. (1992) Геноцид адыгов. Нальчик: Логас, 1992.
2. Акты кавказской археографической комиссии, т. XII. Тифлис, 1904.
3. Блиев М.М., Дегоев В.В. (1994) Кавказская война. М.: Россет, 1994.

Перспективы развития политического курса в Российской Федерации в 2008-2012 гг

Стенько Анна Александровна, Юрескул Егор Анатольевич

студенты

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: sydney-losstarot@yandex.ru, amnst2004@mail.ru

Согласно Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации определяет основные направления внутренней и внешней политики государства. Ежегодное послание Федеральному собранию – базовый документ, содержащий основные цели и задачи государства на предстоящий период, характеризующий соответственно политический курс страны, а также позволяющий проследить его развитие. В данной работе предполагается на основе анализа ежегодных посланий Федеральному собранию определить приоритетные направления политического курса РФ за период с 2000 г. по 2008 г. и, сопоставив их с предложенными пунктами предвыборной программы Д. А. Медведева, проследить их эволюцию.

С 2000 года Российская Федерация развивалась в рамках концепции, озвученной Президентом В.В.Путиным в его ежегодных Посланиях Федеральному Собранию, подразумевающей ориентацию на стабильное и устойчивое развитие. В.В.Путин неоднократно подчеркивал необходимость ставить твердые цели и решать конкретные задачи, привлекая имеющиеся ресурсы. Первой и основной такой целью Президент предложил считать интенсивный экономический рост, основанный на сложившейся в последние годы благоприятной для РФ конъюнктуры в мировой экономике и направленной на построение т.н. «инновационной экономики», независимой от цен на энергоресурсы. Было предложено обеспечить этому направлению максимальную государственную поддержку в виде разработки долгосрочных планов, инвестиций в приоритетные отрасли, а также привлечения частного капитала, в том числе – для преодоления инфраструктурных ограничений развития.

В то же время, экономическое развитие не является самоцелью и должно быть направлено в первую очередь на решение социальных проблем, сложившихся в РФ, и построение демократического государства, опирающегося на зрелое гражданское общество. На протяжении нескольких лет Правительством разрабатывались долгосрочные планы решения демографической проблемы, вопросов социального обеспечения и социального неравенства. Приоритетным объявлено развитие таких институтов гражданского общества, как политические партии и неправительственные общественные организации. Кроме того, поставлены задачи повышения эффективности и открытости управления, а также ответственности власти перед обществом.

Второй главной целью развития заявлено укрепление международного положения РФ в условиях современного мира. Среди поставленных в этой области задач – сотрудничество с международными организациями (в первую очередь – с ООН); содействие региональной интеграции на пространстве СНГ. Неотъемлемой частью стратегий развития данной сферы является борьба с угрозами международной безопасности (от международного терроризма и этнических конфликтов до негативного влияния блоковых стереотипов и внешнеполитических концепций, нарушающих права человека) и укрепление обороноспособности РФ. Последнее включает в себя не только реструктуризацию и переоснащение Вооруженных Сил, но и всестороннее социальное обеспечение военнослужащих, в том числе – в рамках долгосрочных социальных программ.

В целом, методами решения поставленных задач являются национальные проекты, сотрудничество государства с крупными предпринимателями, а также содействие развитию частного бизнеса и институтов гражданского общества. Все принятые и готовящиеся к принятию меры опираются на разрабатываемые с 2000 года долгосрочные планы развития.

Выдвижение Д.А.Медведева в качестве кандидата на президентских выборах 2008 года во многом обусловлено характером проводимой в 2000-2007 годах политики:

принятые меры и программы развития рассчитаны на долгосрочный период, и любые резкие изменения могут привести к непредсказуемым последствиям. Отсюда необходимость преемственности политического курса и официальный статус «преемника», вызвавший бурную реакцию в иностранных СМИ.

Программные положения курса Д.А.Медведева были озвучены им в выступлениях на II Всероссийском Общегражданском форуме и на Экономическом форуме в Красноярске. Они включают в себя «спокойное стабильное развитие» и поддержку долгосрочных программ.

Основное внимание в программе направлено на социальную составляющую реформ: увеличение вкладов в человеческий капитал и благосостояние граждан, развитие институтов гражданского общества и формирование национальной идеи в контексте мировой демократической системы.

Экономическое развитие в ближайшие 4 года Д.А.Медведев неразрывно связывает с социальным развитием, правовым обеспечением и вкладами в технологическое развитие для перехода к «инновационной экономике».

В сфере внешней политики Д.А.Медведев планирует поддержать внешнеполитический курс В.В.Путина на достижение соответствующего потенциалу РФ международного статуса.

Характер проводимой с 2000 года внутренней политики определил необходимость последовательности и преемственности курса, обеспечение которых и являлось одной из задач В. В. Путина. Сейчас с уверенностью можно утверждать, что достижение стабильности в государстве всегда будет ассоциироваться с политическими действиями ныне действующего президента. При сохранении приоритетов развития страны стоит отметить выдвижение на первый план социальной составляющей, что свидетельствует о качественном переходе от жесткого антикризисного регулирования к поддержанию устойчивого социально-ориентированного экономического строя, при более четкой формулировке политического вектора последующей эволюции страны с очевидной ориентацией на построение эффективных демократических институтов. Стоит отметить, что на данном этапе перед вступающим в должность Д.А. Медведевым стоят три базовых задачи, решение которых в среднесрочной перспективе и определит его политическое будущее, а именно борьба с коррупцией, переход к инновационной экономике, а также улучшение имиджа страны в рамках повышения ее статуса на международной арене.

В связи с этим также стоит отметить эволюцию образа лидера страны. Либеральность, приписываемая Д.А.Медведеву, символизирует начало нового этапа «быстрого и стабильного развития» с более явной ориентацией на базовые европейские ценности и институты. Сохранение значительного политического влияния за В.В.Путиным и одновременное вступление в должность его «ученика» позволяет предположить возможное временное рассредоточение власти при устоявшемся авторитете В.В.Путина и только формирующемся авторитете Д.А.Медведева, выступающего в настоящий момент в роли исполнителя. Сама же преемственность важна в рамках развития страны в целом, поскольку она подтверждает формулировку целей и задач, определяющих курс государства, являясь при этом составляющей стабильности и последовательности политической власти.

Литература:

1. Послания Президента Федеральному Собранию: 2003-2007 (www.kremlin.ru)
2. Сурков В. Ю. Русская политическая культура. Взгляд из утопии (<http://www.edinros.ru/news.html?id=121456>)
3. Программные выступления кандидата в президенты РФ Медведева Д. А. (<http://www.medvedev2008.ru/program.htm>)
4. Программа «2020»
5. Официальный сайт федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru)
6. Конституция РФ от 1993г.

Понятия "права народов на самоопределение" на примере Деклараций независимости Израиля и Косово

Териков Иван Анатольевич

студент

Гапоненкова Рената Алексеевна

студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: terikov@megabox.ru

renatka90@rambler.ru

Идея права народов на самоопределение существует более двухсот лет, однако ее актуальность не уменьшилась в наши дни, что подтверждает принятая 17 февраля 2008 года Декларация независимости Косово. Отделение Косово вызвало немало дебатов, взбудоражив мировое сообщество. Одни считают независимость Косово закономерным продолжением распада Югославии и призывают не горячиться в негативной оценке косовского суверенитета. Другие не верят в "уникальность" данного случая, называя его прецедентом мирового масштаба. Немаловажным в этом вопросе является также неоднозначная трактовка источников международного права, что приводит к серьезным противоречиям, как, например, противоречие между правом на самоопределение и принципом территориальной целостности, между коллективным принципом самоопределения и индивидуальными правами человека и гражданина. Все это заставляет сильно усомниться в международной системе права как таковой, и, как следствие, в целесообразности существования ООН, которая не справляется со своей главной функцией - обеспечением мировой безопасности.

В международной правовой системе понятие "самоопределение народа" впервые упоминается в Уставе ООН (1945) как основа для развития "дружественных отношений между нациями" и "укрепления всеобщего мира". Однако в тексте Устава данное понятие не конкретизируется, чем изначально создается возможность его неоднозначной трактовки. После Второй мировой войны началась активная фаза деколонизации, что стало серьезным вызовом для формировавшейся системы международного права. В 1960 году была предпринята попытка урегулирования сложившейся ситуации и конкретизации условий предоставления независимости бывшим колониям путем принятия 14 декабря 1960 года Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1514 (XV) - Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

24 октября 1970 года была принята Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2625 (XXV) - Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН. Данная декларация обобщила и расширила понятие "права народа на самоопределение". В данном документе в отличие от Резолюции 1514 (XV) право народа на самоопределение распространяется не только на территории колонии и самоуправляющиеся территории, но также и на все прочие территории, но с некоторыми ограничениями.

Спустя еще 5 лет, 1 августа 1975 года был подписан Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, где наравне с "внешним" самоопределением повышенное внимание уделяется принципу нерушимости границ. Причем данный принцип признается универсальным и обязательным. Тем самым создается вероятность неоднозначного прочтения положений документа.

Очевидно, что понятие "право народа на самоопределение" в течение последних 50 лет многократно обсуждалось, конкретизировалось и расширялось в соответствии с изменением геополитических реалий. Мы провели сравнительный анализ Декларации независимости Израиля, принятой 14 мая 1948 года, "на восходе" ООН, и Декларации независимости Косово, принятой спустя полвека,

На момент начала работы русскоязычный вариант Декларации независимости Косово не был доступен или же не существовал вовсе, вследствие чего перевод

декларации на русский язык стал одной из значимых составляющих исследования.

В ходе анализа Декларации независимости Израиля были отмечены следующие характерные черты. В тексте Декларации особое внимание уделяется обоснованию "естественного и исторического права" еврейского народа на провозглашение независимости: приводится описание истории борьбы еврейского народа за воссоздание своего суверенного государства. Кроме того, решение о провозглашении независимости Израиля основывается на Резолюции о плане раздела Палестины (A/RES/181(II)) Организации Объединенных Наций.

Декларация независимости Косово, в свою очередь, не содержит подробного историко-культурного обоснования права на свое самоопределение. Ассамблея Косово в основном ссылается на рекомендации Специального посланника ООН Мартти Ахтисаари (S/2007/168), а также на Резолюцию 1244 (1999).

В момент написания Декларации независимости Израиля право народов на самоопределение рассматривалось в контексте деколонизации, вследствие чего самоуправляющиеся территории (к которым относятся колониальные страны) могли свободно выбирать свой политический статус. Несомненно, что в данном процессе этот принцип сыграл значительную роль в деле освобождения от колониального гнета. Однако, к концу XX века в связи с завершением деколонизации и установлением на большинстве территорий суверенной власти, большее внимание стало уделяться праву народа на самоопределение в границах суверенного государства, что вступило в противоречие с принципом его территориальной целостности. В частности, теперь выделяются "внутреннее" самоопределение (создание культурно-национальной автономии в унитарном государстве, создание административной или политической автономии, образование федерации и т.д.) и "внешнее" самоопределение (отделение и создание самостоятельных государств). В соответствии с Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 2625 (XXV) косвенно признается возможность народа воспользоваться "внешним" правом на самоопределение в условиях, если не достигается его участие на равных основаниях в управлении государством, осуществлении его "внутреннего" самоопределения. Именно на возникновении подобной ситуации базируются претензии Косово на независимость.

Идея права нации на самоопределение в современном глобализирующемся мире приобрела значительный статус, в то же время став одной из самых спорных и противоречивых. Изначально использовавшееся для урегулирования вопросов колониальных стран, после завершения процесса деколонизации в глобальном масштабе, а также после распада стран соцблока и объединения Германии, его применение стало сопровождаться мнением о том, что мировое сообщество должно рассматривать "внешнее" самоопределение в более широком смысле. Анализ деклараций независимости Израиля и Косово, относящихся к различным историческим рамкам и подписывавшихся в различных геополитических ситуациях, дает нам ясное представление об этом неоднозначном процессе с непредсказуемыми для мировой безопасности процессами.

Литература

1. Осипов А. Г. (1997) Право народов на самоопределение: идея и воплощение // Материалы научно-просветительского семинара «Право народов на самоопределение: идеология и практика» / <http://www.memo.ru/hr/referats/selfdet/>
2. Старовойтова Г. В. (1999) Национальное самоопределение: подходы и изучение / <http://www.vehi.net/politika/starovoit/index.html>
3. Декларация независимости Израиля (1948) / <http://www.jewishagency.org/JewishAgency/Russian/Education/Jewish+Life/Festivals/Independence+Day>
4. Kosovo Declaration of Independence (2008) / <http://www.assembly-kosova.org/?krye=news&newsid=1635&lang=en>
5. Устав Организации Объединенных Наций (1945) / <http://www.un.org/russian/documen/basicdoc/charter.htm>

Модель гонки вооружений
Трухин Денис Владимирович
Студент

*Факультет глобальных процессов Московского государственного университета имени
М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
E-mail: denvt@yandex.ru*

«Гонкой вооружений» принято называть противостояние двух сторон за превосходство вооруженных сил. В ходе такого противостояния каждая из сторон производит огромные запасы оружия, пытаясь установить паритет с противником или обогнать его. Самый яркий пример гонки вооружений из истории - борьба Советского Союза и Соединенных Штатов в период Холодной войны. Американский астроном Карл Саган как-то сравнил СССР и США с двумя людьми, стоящими по колено в бензине, один - с тремя спичками, а другой - с пятью. Хотя гонка вооружений и могла привести к войне между СССР и США, она также стала колоссальным толчком для развития науки и новых технологий, в первую очередь компьютерных и космических.

В общем смысле термин "гонка вооружений" применим к любому, по сути, бессмысленному противостоянию за обладание большей военной мощью. Во многих случаях гонка вооружений может окончиться военным конфликтом. Поэтому необходимо уметь прогнозировать развитие событий для того, чтобы вовремя принять необходимые меры по предотвращению конфликта и остановки или полного прекращения противостояния. Удобным инструментом подобного прогнозирования являются математические модели.

Самой известной модель является модель Ричардсона. Ричардсон построил относительно простую модель, учитывающую действие всего лишь трех факторов: наличие военной угрозы со стороны противника, существующее бремя расходов и прошлые обиды, влияющие на общий уровень вооружений.

С математической точки зрения все это рассуждение сводится к двум уравнениям:

$$\begin{aligned} X_{t+1} &= kY_t - aX_t + g, \\ Y_{t+1} &= mX_t - bY_t + h; \end{aligned}$$

Красота модели Ричардсона заключается в ее автономности: если известны значения коэффициентов и уровни вооружений государств X и Y в одном каком-то году, с помощью этой модели можно предсказать величину уровня вооружений в любом последующем году. Это придает модели способность – во всяком случае, в теории – прогнозировать будущее. Модель Ричардсона в целом эффективна в случаях краткосрочных прогнозов.

Одной из важнейших характеристик модели Ричардсона является стабильность. Стабильность определяется тем, какими – ускоренными или замедленными – темпами развивается гонка вооружений. В случае нестабильной гонки вооружений проблема предотвращения войны – тот главный стимул, который с самого начала подтолкнул Ричардсона к его разработкам. Модель умеет очень хорошо предсказывать войну, поскольку почти всем современным войнам предшествует нестабильная гонка вооружений. Ричардсон постулировал это в своей основополагающей работе, а впоследствии это было подтверждено другими, более систематическими исследованиями.

В конце 70-х годов Майкл Уоллес обнаружил, что из 28 серьезных международных конфликтов, сопровождавшихся гонкой вооружений в период с 1816 по 1965 г., целых 23 завершились войной. А из 71 конфликта, не вовлекавшего гонки вооружений, только три перешли в войну.

Тем не менее, поскольку модель Ричардсона построена с определёнными изначальными допущениями, она имеет ряд недостатков. Во-первых, она не учитывает, что приращение вооружений в каком-либо году не может быть прямо пропорционально

уровню вооружений противоположной стороны в прошедшем году, поскольку рост ограничен экономическими причинами. Во-вторых, если одна из сторон будет снижать уровень своих вооружений, вторая с неизбежностью предпримет те же самые действия (что в модели обусловлено математически). В реальной практике такое развитие событий далеко не однозначно, так как одна из сторон может продолжить развитие военных технологий и наращивание вооружений в одностороннем порядке. В-третьих, модель Ричардсона не учитывает, что в случае обладания высокотехнологичным оружием большой поражающей силы затраты, а значит, и уровень вооружений, начнут снижаться, поскольку уже не будет необходимости в значительном количестве единиц вооружения.

Многую была предложена новая модель гонки вооружений. В предлагаемой модели существует величина, называемая экономическим потенциалом страны. Именно он является ограничителем роста вооружений. На каждой итерации часть экономического потенциала употребляется для наращивания военной мощи. Кроме того, существуют источники пополнения бюджета. Одним из таких источников является продажа вооружений. В предлагаемой модели так же учитываются и поколения вооружений.

Накопление определённого количества вооружений приводит к переходу к новому поколению вооружений. Границы переходов определяются вектором значений, получаемым эмпирически.

Если государство увеличивает инвестиции в науку и образование, то границы переходов снижаются за счёт введения инновационных технологий. Необходимо учитывать также, что продажа вооружений не влияет на общий накопленный опыт в производстве вооружения, поэтому необходимо разделить общий уровень вооружений на два, один из которых теперь будет показывать полный накопленный объём вооружений (опыт), а второй – реальное количество вооружений каждой из сторон.

В модели вводится понятие стратегии, определяющие действия и ответные действия каждой страны. Рассматриваются следующие стратегии:

1. Поддержание вооружений на конкурентоспособном уровне, но не стремится получить преимущество.
2. Стратегия, при которой первая страна держит постоянно преимущество.
3. Стратегия доминирования.

Таким образом, предложенная модель имеет ряд объективных преимуществ, поскольку учитывает большее количество параметров, нежели модель Ричардсона. Модель отвечает требованиям современной ситуации в международных отношениях и определяет реальную взаимосвязь факторов, влияющих на гонку. Модель может быть применена как для случаев, когда исследователям известны все входные параметры, так и в случаях, когда нет необходимости учитывать какие-либо показатели. Для этого нужно всего лишь приравнять к нулю соответствующие коэффициенты в уравнениях. Это говорит о некоторой универсальности модели.

Особенности методологической интерпретации политического процесса в Тихоокеанской Азии (1990-е гг.)

Шебло Олеся Дмитриевна
аспирантка

Уральский государственный университет им.А.М.Горького, Екатеринбург, Россия
E-mail: *osheblo@yandex.ru*

По словам Р.Робертсона, поводом для обращения к анализу связи между современными тенденциями универсализации и партикуляризации в западной политической науке стали политико-экономические процессы именно в Тихоокеанской Азии.⁸ В конце 1980-х годов в авторитетном американском издании *Harvard Business Review* были напечатаны статьи японских экономистов, в которых появляется понятие «dochakuka» (исходя из значения иероглифов его условно можно перевести как «процесс прикрепления к <определенному> месту»). С его помощью пытались представить перемещение японских предприятий в Азию в категориях мировой взаимозависимости и системной причинности, а не как новую вариацию имперской экспансии, идея которой еще нередко озвучивалась в тот период как ее проponentами, так и критиками.⁹

Эти теоретические выкладки азиатских ученых в свою очередь являлись ответом на то теоретическое направление западной социальной науки, которое стало развиваться с окончанием холодной войны и которое Б.Камингс называет *Rimspeak*, азиатский регионализм.¹⁰ Появляется даже отдельный термин «асеанология» – для обозначения самостоятельной отрасли, занимающейся изучением теории и практики функционирования этого регионального союза.¹¹ Поэтому период с конца 1980-х годов и до начала разворачивания кризисных явлений в 1997 году считается «тихоокеанским веком» западной общественной науки, занимающейся проблемами политико-экономических изменений.

Такое внимание к региону во многом объяснялось наступившим после холодной войны кризисом классического реализма в теории международных отношений: Советский Союз отказывался от конфронтации и заявлял о своем намерении вести межгосударственный диалог. Предсказать подобный поворот событий еще в начале 1980-х годов было невозможно. Поэтому в доминировавшей тогда функционалистской парадигме движение от ленинско-сталинского тоталитаризма через партийное управление при Л.Брежневле к горбачевской эре реформизма попытались представить в категориях прогрессивной телеологии в рамках сущностно стабильной системы. Это вполне соответствовало постулату американской социальной науки об универсальной связи между структурной модернизацией и прогрессивной демократизацией.

На фоне начавшихся волнений в отдельных частях бывшей советской империи практика невмешательства государств-членов АСЕАН во внутреннюю политику друг друга получила самые высокие оценки. Именно с этого момента заговорили о политической культуре Азии как культуре консенсуса, ориентированной на установление гармоничных отношений с партнерами. Сам политико-экономический феномен

⁸ Robertson R. Comments on the “Global Triad” and “Glocalization”/http://www.kokugakuin.ac.jp/ijcc/wp/global/15robertson.html.

⁹ См.: Akamatsu K.A Historical Pattern of Economic growth in Developing Countries.//The Developing Economies. – 1972. – March-April. – P.104-116;

Gerlach M. Twilight of Keiretsu? A Critical Assessment.// Journal of Japanese studies.- 1992.- Vol.18,1.- 56-74 p.

Kajima M. The Road to Pan-Asia. Tokyo: The Japan Times, 1973;

Nester W.P. Japan’s Growing Power over East Asia and the World Economy: Ends and Means. – L.: Basingstoke:Macmillan, 1990;

¹⁰ Cumings B. “Boundary Displacement: Area Studies and International Studies During and After the Cold War” in Seldon M. (ed.). Bulletin of Concerned Asian Scholars: Asia, Asian Studies and the National Security State./http://www.csf.colorado.edu/bcas/sympos/current.htm

¹¹ Jones D.M., Smith M.L.R. Is There a Sovietology of South East Asian Studies?//International Affairs. – 2001. – October. – P.843-866.

азиатского сотрудничества стали определять как «один из самых удачных экспериментов регионализма в развивающемся мире»¹², а так называемый «азиатский стиль» характеризовали «высокой степенью осторожности, <принципом> неформальности, прагматизма и целесообразности».¹³ Разумеется, рассмотрение кооперации государств Тихоокеанской Азии как изначально ориентированной на поддержание внутреннего спокойствия и регионального порядка очень понятно укладывалось в рамки функционализма: оно позволяло вывести отдельные нелицеприятные аспекты внутрирегиональной политики (такие как факты геноцида в Восточном Тиморе, детское рабство в государствах Индокитая, проч.) за рамки структурного анализа.

Становление асеанологии совпало и с теоретическими исканиями европейских теоретиков регионализации. Исходя из своей критики императива глобализации, последние стали рассматривать как приоритетные те виды активности, которые бы поддерживали локальность ради нее самой, а не в угоду призрачным целям свободного рынка. Они указывали на распространенную методологическую подмену: когда там, где речь должна вестись о «развитии в регионах», говорят о «развитии регионов» (внимание – различию употребления предлогов английского языка «in» и «of»). Получалось, что при этом имеется в виду некий субъект управления развитием.¹⁴ У некоторых авторов отключение локальной экономики от глобального рынка стало даже считаться предусловием для¹⁵ инклюзивного социального развития.¹⁶ Неудивительно поэтому, что декларировавшаяся на всем протяжении послевоенных лет азиатскими лидерами принципиально аполитичная, мирная стратегия регионального развития получила на тот момент признание и положительные отклики и у европейских ученых.¹⁷

В итоге, исследования политико-экономического процесса в Тихоокеанской Азии дали начало целому ряду новых теорий в англо-американском обществоведении. Так, появилось понятие девелопменталистского государства: развивающейся экономики, исходящей из экспортноориентированного варианта промышленного роста.¹⁸ В результате анализа активности японских и американских корпораций в Азиатском регионе заговорили о транснационализме как отдельном политико-экономическом феномене.¹⁹ На примере Тихоокеанской Азии разрабатывалась и так называемая теория социального капитала: как развития гражданской и экономической активности снизу.²⁰

¹² Acharya A. A New Regional Order in South-East Asia: ASEAN in the Post-Cold War Era//Adelphi Paper 279. Oxford: Oxford University Press/IISS, 1993. – P.3.

¹³ Acharya A. Ideas, Identity and Institution-Building: from the “ASEAN-Way” to the “Asia-Pacific-Way”//Pacific Review. – 1997. – March. – P.329.

¹⁴ Sayer A. Industry and Space: a Sympathetic Critique of Radical Research.//Environment Planning. – 1985. – March. – P.3-29.

¹⁵ См.: Barrat B.M. Africa’s Choices. London: Penguin, 1995;

Amin S. Capitalism in the Age of Globalization. London: Zed Books, 1997.

¹⁷ Godement F. The New Asian Renaissance: From Colonialism to the Post-Cold War. London: Roulledge, 1996.

¹⁸ См.: Brohman J. Postwar Development in the Asian NIEs: Does the Neoliberal Model Fit Reality?//Economic Geography. – 1996. – February. – P.107-130.

Clark G.L., Kim W.B., eds. Asian NIEs in the Global Economy. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 1995;

Douglass M. The “Developmental State” and the NIEs of Asia//Environment and Planning. – 1994. – June. – P. 543-566.

¹⁹ См.: Olds K., Yeung H.W. Reshaping “Chinese” Business Networks in a Globalising Era.//Environment and Planning. D: Society and Space. – 1999. – June. – P.535-555;

Roemer John E. US-Japanese Competition in International Markets: a Study of the Trade-Investment Cycle in Modern Capitalism. Berkeley: Institute of International Studies/University of California, 1985.

²⁰ См.: Hsing Y.T. Making Capitalism in China: the Taiwan Connection. New York: Oxford University Press, 1998.

Leung C.K. Personal Contacts, Subcontracting Linkages, and Development in the Hong-Kong-Zhujiang Delta Region.//Annals of the Association of American Geographers. – 1993. – March. – P.272.-302.